

В. И. КОСИК

ВРЕМЯ РАЗРЫВА

ПОЛИТИКА РОССИИ В БОЛГАРСКОМ ВОПРОСЕ

1886 – 1894 гг.

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

В. И. КОСИК

ВРЕМЯ РАЗРЫВА
ПОЛИТИКА РОССИИ В БОЛГАРСКОМ ВОПРОСЕ
1886 – 1894 гг.

Москва
1993

Ответственный редактор
кандидат исторических наук А. В. КАРАСЕВ

ISBN 5-201-00764-3

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993

ВВЕДЕНИЕ

Исследование, предлагаемое читателю, является логическим продолжением начатой автором в первой книге темы¹ и посвящено политике России в болгарском вопросе во время разрыва отношений двух стран.

Хронологически исследование охватывает 1886-1894 гг., т.е. период от акта разрыва отношений Россией с Болгарским княжеством до кончины императора Александра III и начала нового этапа русско-болгарских отношений, отмеченного их восстановлением.

Этот период в историографии долго оставался на периферии исторического знания. Подобное положение было обусловлено рядом причин, среди которых далеко не последнюю роль играли такие факторы как недоступность по тем или иным причинам для исследователя базы оригинальных русских документов, так и сама ярко выраженная политическая конфликтология темы, что осложняло ее изучение².

Однако именно здесь – в узле равнообразных сюжетов, противоречий, амбиций и комбинаций – следует продолжать поиски ключа к пониманию русско-болгарских отношений в их исторической перспективе.

Для рассматриваемых лет характерно переплетение "большой" политики с мелкими интригами, политики "больших кулаков" с маневрированием, русского национализма с болгарским, восстаний с заговорами и террористическими актами, иллюзий с реалиями.

Фактически, в центре противоречий был вопрос о власти в самых разнообразных формах и проявлениях.

Именно эта проблема, столь болезненно воспринимавшаяся в русском и болгарском обществе, приобрела ярко выраженную динамику во время разрыва отношений.

Многообразие перекрещивающихся сюжетов и действующих в них лиц – царей, террористов, дипломатов, заговорщиков, ярких политиков с самостоятельным видением проблемы, урапатриотов, трезво мыслящих критиков, сторонников жесткой политики, приверженцев тактики компромисса – лишь подчеркивает напряженность поиска разрешения болгарского узла.

Тема политики России в болгарском вопросе в период разрыва отношений позволяет поставить задачу освещения и анализа средств и методов явной и тайной дипломатии Петербурга и, одновременно, вопрос, касающийся известного тезиса об агрессивности внешнеполитического курса России.

Поскольку болгарский вопрос привлекал к себе пристальное внимание и великих держав, то автор ставит цель осветить наиболее существенные аспекты их политики по этой проблеме, прежде всего Османской империи, воплощавшей собой верховную власть по отношению к автономному княжеству.

Он стремится более широко взглянуть на историю разрыва, учитывая программы и акции противостоящих установившейся в Болгарии власти сил болгарской внешней и внутренней оппозиции, поддерживаемой Россией.

Автор имеет в виду также показать сложную игру болгарской стороны, прибегавшей к ряду средств для стабилизации положения княжества на международной арене.

Ответ на все эти вопросы и составляет цель настоящего исследования.

Для того, чтобы читателю было легче ориентироваться в политической обстановке того времени, следует кратко хотя бы охарактеризовать сложившееся положение дел к моменту разрыва отношений.

Как известно, Александр II резко отрицательно оценил факт объединения Болгарского княжества в 1885 г. с Восточной Румелией, ибо совершилось оно без ведома России и поставило последнюю в затруднительное положение. Складывавшиеся далеко не самым лучшим образом отношения между Александром II и болгарским князем Александром I Баттенбергом еще более ухудшились. Из прежнего опекуна Александра I Россия превращалась в почти открытого противника дальнейшего пребывания князя на болгарском престоле.

Установка русской дипломатии на ожидание свержения Александра I оказалась недолгой.

В августе 1886 года болгарский монарх был свергнут группой заговорщиков, видевших в низложении князя средство

для обретения покровительства России.

Факт переворота еще не означал успеха в перспективе утверждения желательного Петербургу порядка. Положение было весьма неустойчивым, что и подтвердили дальнейшие события. Как отмечается, английская дипломатия и австро-венгерская - последняя тайно от России - поддерживали сторонников реставрации власти Александра I. Резко отрицательно относился к перевороту и заговорщикам председатель Народного собрания С.Стамболов, считавший изгнание князя губительным для Болгарии. Армия, в которой популярность Александра I как героя соединения княжества с Восточной Румелией и решающей битвы под Сливницей в 1885 г. в ходе сербско-болгарской войны была велика, в своем подавляющем большинстве выступала в поддержку возвращения князя. Русская же дипломатия на этом этапе вела себя достаточно осторожно, заняв, в сущности, выжидательную позицию. В конечном итоге последовал разгром заговорщиков и падение правительства. 18 августа София была занята войсками по приказу Стамболова, сосредоточившего - в отсутствие князя - в своих руках всю полноту власти.

В новой ситуации Александр I решил вернуться в страну, предпочитая в худшем случае добровольно отречься от престола, что и случилось. Отказ Александра III одобрить возвращение князя закрывал дорогу к престолу. Иного ответа и нельзя было ожидать от императора с его давним стремлением к удалению князя.

Тем временем в самой стране начались гонения против лиц, замешанных в детронации князя 9 августа, производились аресты сторонников России, было объявлено военное положение. Основная проблема после оставления Баттенбергом страны в конце августа заключалась, как и прежде, в вопросе о власти.

В Петербурге отрицательно относились к регенству, назначенному князем. Состав правительства также не давал перевеса сторонникам русской ориентации. Не ослабевал и поток тревожных сообщений из Софии о помощи сторонникам России. В этой беспокойной обстановке в Петербурге было принято решение об отправке в Болгарию генерала Н.В. Каульбарса дипло-

матическим представителем с особыми полномочиями. Как отмечается, командировка военного лица, а не дипломата, должна была увязываться в сознании болгар с могуществом России.

В инструкциях Каульбарсу, прибывшему 13 сентября в Софию, не содержалось ничего нового: был неизменным взгляд на регенство как незаконное, излагалась прежняя ————— позиция, что Россия не может предложить кандидата на престол "при настоящем возбужденном состоянии болгар", подчеркивалось, что созыв Великого Народного собрания в условиях военного положения является нелегитимным, предписывалось помешать суду над детронаторами.

Первые ноты Каульбарса вызвали широкий резонанс в Европе, где в них увидели стремление России к установлению единоличного протектората. Особенно активно действовала дипломатия Великобритании с ее советами правящим кругам не уступать Каульбарсу в его требованиях и условиях.

В этой сложной ситуации нельзя сказать, что София не предпринимала шагов к сближению и урегулированию отношений с Россией. Однако у последней они не вызвали доверия, как не ориентированные прежде всего на безоговорочное выполнение русских условий.

Внутренняя ситуация продолжала набирать остроту уже в связи с выборами в Великое Народное собрание, которое должно было заняться вопросом избрания нового князя. Неустойчивость положения вызвало и появление на рейде Варны двух русских клиперов, отправленных в ответ на призывы Каульбарса показать силу. Таким образом, политика скрытых угроз переходила в тактику прямого устрашения. И здесь Каульбарс добивается ряда уступок от Софии, в частности, в деле освобождения офицеров-детронаторов из-под ареста.

Но в то же время очередной провал терпели надежды Каульбарса на восстание с помощью армейских заговорщиков. Соответственно, поднялись шансы у Стамболова, который предпринял еще раз попытку добиться расположения императора в вопросе избрания князя через выдвижение кандидатур Вальдемара Датского и Александра Ольденбургского, находившихся в

родстве с императорской семьей. Однако этим предположением не было суждено осуществиться. В Петербурге же не желали заниматься вплотную этим вопросом, предпочитая вначале добиться подчинения страны.

Тем временем Каульбарс старательно подводил Александра III к мысли о предстоящем разрыве отношений. Прекращение отношений должно было выглядеть как наказание за сопротивление воле императора. И только после этого акта должно было последовать выдвижение царского кандидата на болгарский престол. События стремительно приближались к финалу. Используя мелкий случай с избиением служителя русского консульства в Пловдиве, Каульбарс делает заявление о прерыве отношений и 8 ноября покидает Софию. Россия уходила, чтобы вернуться.

Примечания

1. Косик В.И. Русская политика в Болгарии 1879-1886. М., 1991.

2. Следует отметить, что долгое время для исследователей, особенно зарубежных, одним из основных источников служили издания: а/ Оккупационный фонд, основанный для устройства Русско-Дунайской области. документы из секретного архива русского правительства с "предговором" /на болгарском языке/ Д.Петкова, София, 1892; б/ Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. Составитель П.Павлович. Предисловие В.Коларова. Москва, 1935. Оба сборника представляют собой публикацию тенденциозно подобранных материалов, часть которых опровергается оригинальными документами из Архива внешней политики России.

С другой стороны, нельзя не подчеркнуть, что сама тема - особенно по первым годам после разрыва отношений - находила свое особое место на страницах русских и зарубежных изданий, безусловная ценность которых очевидна. См.: Киняпина Н.С. Болгария в балканской политике России /1886-1896 гг./ - Отечественная история. М., 1992, № 2; Мартыненко А.К. Руско-Болгарские връзки по време на разрыва на дипломатическите отношения /1886-1896/. - Исторически преглед. София, 1970, № 3; Манайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос след избора на княз Фердинанд /1888-1896/. София, 1941; Jelavich V. Russia, Britain and the Bulgarian Question 1885-1888. - Südost-Forschungen. R.Oldenbourg/München, 1973, band XXXII.

Глава I. В ПОИСКАХ ВЫХОДА. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

В сущности акт разрыва отношений был в определенной степени блэфом. В Петербурге вовсе не собирались уходить из Болгарии. С подачи генерала Н.В.Каульбарса отъезд русских дипломатов должен был послужить своеобразным уроком. В России считали, что в той ситуации, когда вопрос о кандидатуре монарха мог быть решен только при ее одобрении, Стефан Стамболов и его окружение будут вынуждены пойти на условия, выдвигаемые русской стороной.

Однако предложенная императором Александром III в начале ноября кандидатура князя Н.Д.Мингрели была встречена в Софии в штыки.

В новой ситуации, когда болгарское общество надеялось увидеть на своем престоле представителя европейских княжеских фамилий и, безусловно, обрести с его помощью подбащее положение в Европе, фигура "азиата", добровольно передавшего в 1867 году свои владетельные права на Мингрелию Александру II, не могла вызвать каких-либо симпатий.

В его кандидатуре болгары видели не личность, способную проводить более или менее самостоятельную политику, а послушного исполнителя воли российского императора.

Возникает несколько риторический вопрос, почему же тогда, безусловно зная о стремлениях Софии заполучить для страны европейского принца крови, Александр III выдвинул и отстаивал кандидатуру князя Мингрели?

Здесь ответ может быть только один. Царь выдвижением Мингрели хотел, как представляется, дать болгарам жесткий урок. Болгарская интеллигенция с ее свободомыслием и желанием выйти из-под контроля "старшего брата" должна была получить то, чего она так старательно хотела избежать.

Болгарские правящие круги нашли в этой кандидатуре подтверждение своих старых опасений о желании самодержавной России превратить их страну в так называемую "задунайскую губернию" для достижения своих целей, прежде всего заключающихся в продвижении к проливам¹.

Тем не менее кандидатура князя была выдвинута. Нача-

лась активная дипломатическая работа. И именно здесь - в процессе решения вопроса великими державами - политика Петербурга начала давать сбои.

Это отчетливо проявилось во время задуманной и осуществленной регентством поездки Стоилова, Грекова и Калчева по ряду столиц великих держав, где они ходатайствовали о быстрейшем разрешении вопроса избрания князя², исключая при этом Мингрели как претендента на болгарский трон.

Так, в Вене в ноябре во время приема депутации главным секретарем МИД графом Сеченьи было заявлено о невозможности для Болгарии принять в качестве кандидата на вакантный престол князя Мингрели. Члены депутации подчеркнули намерение своей страны самой найти князя в том случае, если великие державы не договорятся о выдвижении такого лица, которое по своему происхождению и воспитанию может дать достаточные гарантии того, что не "продаст" Болгарию. Эта решительная декларация, обещавшая многое для двуединой монархии, была доведена до сведения министра иностранных дел Густава Кальноки, поспешившего поддержать болгар. Во время своей встречи /28 ноября/ с депутацией он обещал поддержку любой кандидатуре, выдвинутой Болгарией, но только в рамках Берлинского трактата, одновременно заявив, что в том случае, если некое правительство /читай: русское. - В.К./ предложит разгон болгарского правительства, то Вена выступит резко против. Говоря о Мингрели, министр подчеркнул, что эта кандидатура не может насильно быть навязана Болгарии³.

К этому времени отношения между Петербургом и Венной резко ухудшились. Внешним толчком послужила речь Кальноки перед венгерскими парламентариями в ноябре, в которой он заявил о том, что если Россия пойдет на оккупацию Болгарии, то Австро-Венгрия предпримет решительные меры. Одновременно Кальноки подчеркнул важность для Вены в настоящей ситуации недавнего заявления своего коллеги министра иностранных дел Великобритании маркиза Роберта Солсбери, давшего понять, что если Австро-Венгрия вступит в войну с Россией,

то Англия последует этому примеру. В Петербурге были глубоко возмущены этими двумя речами, особенно выступлением Кальноки, чья держава являлась союзницей России. Для российской дипломатии был оскорбителен намек на оккупацию Болгарии, вопрос о которой ему не ставился. И хотя Кальноки спустя некоторое время пытался оправдаться перед Петербургом, ему уже не верили, не без оснований подозревая в совпадении выступлений Кальноки и Солсбери угрозу формирования враждебной России коалиции. Гирс писал российскому послу в Вене графу Лобанову-Ростовскому после случившегося, что тройственный союз больше не существует. По его мнению, действия Кальноки привели к утрате веры в эффективность союза трех императоров, равно как и к разрушению последнего. С ноября 1886 года Россия прекращает координировать свои действия с Австро-Венгрией⁴.

Итак, возвращаясь к поездке болгарской делегации, можно отметить, что позиция Вены внушала определенную надежду Софии, опасавшейся реставрации русского присутствия в стране.

Реальность такой перспективы проглядывала в отказе Александра III разрешить делегации приезд в Петербург, где она намеревалась определить путь, который вел бы к нормализации отношений.

В этой обстановке неожиданным подарком для делегации явилось самовыдвижение князя Фердинанда Сакс-Кобург-Готского /1861-1948/ на вакантный болгарский трон.

Несколько слов о нем. Дом Кобургов считался одним из старинных европейских семейств. В XIX веке двое из представителей этого рода были монархами: Леопольд I - в Бельгии, Педру V - в Португалии. Принадлежавший к этому семейству князь Альберт был в браке с английской королевой Викторией. Женившись отца Фердинанда на Клементине Орлеанской - дочери французского короля Луи Филиппа - связал Дом Кобургов с Домом Бурбонов. Сам же князь Фердинанд по вероисповеданию был католик. По окончании военной академии был зачислен в армию Австро-Венгрии. Первые уроки политики и дипломатии получил от своей матери, прозванной современниками Клементиной Медичи. Предприимчивость и властолюбие сочетались с романтичностью у Фердинанда, представляющего себя в роли наследника византийских императоров(5).

Давно лелеявший надежду заменить князя Александра I на болгарском престоле, новый претендент не замедлил воспользоваться благоприятной для выдвижения ситуацией. И если с подобным предложением он обращался частным образом к Н.В. Каульбарсу в 1885 г., а по некоторым сведениям зондировал почву в России и ранее – в 1883 г.⁶, то теперь он считал более выгодным обратиться не к России, а напрямую связаться с болгарами. Верность расчета подтверждалась скрытой поддержкой его кандидатуры Веной.

Для Болгарии и Австро-Венгрии князь Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели русский подданный князь Мингрели.

Для Фердинанда теперь первоочередная задача состояла в том, чтобы добиться согласия российского императора. Чем же он надеялся умиловить Россию? Показным или действительным смирением? Ответ, как представляется, надо искать в его фразе, брошенной во время переговоров 4 декабря со Стоиловым.

Говоря о своей преданности болгарскому делу, о своем желании вести нейтральную – ни австрийскую, ни русскую – политику, но в то же время скорее прорусскую, князь Фердинанд подчеркнул, что в свое время – т.е. после согласия великих держав на его кандидатуру – он поставит ряд условий, от выполнения которых будет зависеть его окончательный ответ⁷.

Возможно, что князь Фердинанд под этими условиями подразумевал ряд требований, которые могут быть предъявлены ему Петербургом в обмен на признание его болгарским монархом.

Это был достаточно тонко рассчитанный прием. Однако фраза об условиях вызвала тревогу у Стамболова. Телеграммой на имя Стоилова он запретил предпринимать какие-либо действия перед великими державами до тех пор, пока сам князь Фердинанд не объяснится по этому вопросу⁸.

Но подобное требование к нему означало проигрыш во времени. Со своей же стороны и претендент не спешил раскрывать свои карты перед болгарами, для которых он высту-

пал своеобразным спасителем в той непростой ситуации.

Предпринятая же Стамболовым решительная акция могла означать то, что в Софии еще питали надежду на возврат Баттенберга, также строившего планы занятия утерянного им престола⁹.

Начавшиеся переговоры великих держав отнюдь не рассеивали плотного политического тумана вокруг Болгарии с ее пустующим тронном.

Известно, что в Петербурге кандидатура князя Фердинанда была провалена с той мотивировкой, что императорское правительство, не признавая законной существующую власть в княжестве, не может считать правомочной и саму болгарскую депутацию по вопросу о будущем монархе.

Здесь нетрудно понять Александра III. Своим отказом он еще раз демонстрировал болгарам пренебрежительность ко всем попыткам проявления ими какой-либо самостоятельности. И тут неожиданно выплывшая фигура католика, претендовавшего на православную Болгарию, была совершенно нежелательной для царя. В австрийском поручике, обладавшем обширными родственными связями в Европе, не хотели получить второго Баттенбарга.

Вероятно и сам князь Фердинанд понимал определенную призрачность своих шансов занять болгарский престол. Тем не менее он не терял надежды. На него работали такие факторы, как отказ большинства великих держав поддержать кандидатуру князя Мингрели, само тяжелое положение в Болгарии, где затягивание с избранием князя было чревато очередным прорусским переворотом.

Возвращаясь к поездке депутации болгар в Берлин, Лондон, Париж, Рим надо напомнить ее основные результаты.

Германия четко и ясно высказалась за принятие Болгарией кандидатуры князя Мингрели и не допускала мысли о возвращении экс-монарха Баттенбарга, о чем было заикнулись болгары¹⁰.

В отличие от политики князя Отто фон Бисмарка, дорожащего союзом с Россией, английская дипломатия была — как нетрудно понять — настроена против креатуры России. Декабрь-

ские встречи в Лондоне показали и то, что Великобритания будет выступать против вмешательства извне во внутренние дела Болгарии. Давая ясно понять депутации, что заявленная ею позиция в то же время совершенно не означает применения военной силы для защиты болгарских интересов, дипломатия Соединенного королевства предлагала Турцию как естественно-го посредника для урегулирования вопроса.¹¹

Именно через Константинополь, используя старый тезис об угрозе Османской империи с севера, Великобритания намеревалась противодействовать политике "русского медведя".

Визит депутации в Париж резко отличался от английского приема. Тяготевшая к союзу с Россией, Франция не была заинтересована в каких-либо действиях, которые могли вызвать раздражение у Петербурга. Вопрос обеспечения собственной безопасности в условиях постоянной угрозы подернутого пеплом, но готового разгореться конфликта с Германией ставил на повестку дня тему союза республиканской Франции с самодержавной Россией. В этой ситуации глава французского МИД Леопольд Флуранс во время частной беседы (28 декабря) с депутацией недвусмысленно подчеркнул целесообразность уступок России, которой Болгария обязана своим освобождением. Подытоживая свое мнение, шеф французской дипломатии заключил беседу словами о том, что только Турция может быть посредником между Россией и Болгарией.¹²

Последней европейской столицей для болгарской депутации стал Рим, куда она прибыла в январе 1887 года. Оставляя в стороне детали встречи, следует лишь отметить, что предложения итальянского министра иностранных дел Робилана по урегулированию болгарской проблемы сводились к тем же уступкам России в вопросе об органах власти и посредничеству Порты в этом деле. Эта довольно шаблонная позиция основывалась на том, что ни одна великая держава не может обязать Россию изменить свою политику. Любое же усложнение болгарского вопроса могло стать опасным для европейского мира.¹³ Это утверждение итальянского министра относилось по своей сути ко всем державам-гарантам Берлинского трактата, не желавшим открыто рисковать безопасностью Европы.

Итак, система европейской безопасности продолжала рабо-

тать, но отдельные страны, прежде всего двуединая монархия размывали ее основу.

Переходя к освещению политики Османской империи, надо подчеркнуть, что кандидатура князя Мингрели не отвечала ее интересам, но правительство султана не могло и не хотело вступать в конфликт с Россией. Великий везир Киамиль-паша попытался сорвать план своей могущественной северной соседки, используя внешне благовидный предлог. Согласно его проекту официальное выдвижение князя Мингрели могло последовать лишь после одобрения этой кандидатуры всеми великими державами и ясно выраженной готовности болгарской стороны к срочному созыву Великого Народного собрания (ВНС) для проведения выборов и утверждения князя.¹⁴

Реакция русской дипломатии, не признающей существовавшего порядка вещей в Болгарии, была незамедлительной. Уже 10 ноября Нелидов официально заявил великому везиру, что выбор князя должен быть совершен депутатами нового состава Великого Народного собрания. До этого акта предстоит изменить и состав регентства. Изменению в консервативном направлении подлежала бы и сама Тырновская конституция. Наиболее же влиятельные приверженцы бывшего князя Александра Баттенберга должны были быть уволены со служб.¹⁵

Комментарии здесь излишни. Под таким напором Нелидова, прямо обратившегося к Абдул-Гамиду II, султан пошел на уступки.

21 ноября соответствующие инструкции были разсланы в столицы великих держав, где турецкие дипломаты должны были известить о выдвижении князя Мингрели на болгарский трон. Наряду с этим Порта информировала — но уже в устной форме — европейских дипломатов о своих советах, которые намеревалась дать Софии: составление нового регентства и правительства из представителей всех партий, созыв ВНС для избрания князя Мингрели. Причем, новое регентство должно было принять решение о выборе монарха старым или новым составом ВНС.¹⁶

Однако сделанные уступки еще не были залогом успеха. Согласие Порты на официальное выдвижение князя Мингрели было осложнено непримиримостью Софии к этой кандидатуре,

равно как и отсутствием единства среди великих держав. Как уже говорилось, эти затруднения существенно тормозили избрание русского кандидата.

Это понимали как русские, так и турецкие дипломаты. В Константинополе, видимо, не без скрытого удовлетворения заявляли Нелидову о неприемлемости князя Мингрели.

Поэтому для расчистки пути русский посол ставил во время своих переговоров в Буждере на первое место вопросы, связанные с коренной реорганизацией высших властных и исполнительных структур.

В турецкой же столице, соглашаясь в принципе с необходимостью изменений, не собирались использовать свое посредничество ради осуществления планов Петербурга.

В сущности, Порта оказалась в весьма сложной ситуации. Признавая право России на возвращение ее влияния в княжестве, она не могла допустить применения со своей стороны каких-либо жестких мер, чтобы воспрепятствовать этому возвращению, так как это могло быть чревато возникновением военного конфликта.

Была еще надежда на урегулирование болгарской проблемы с помощью слияния действий и программ правительства и оппозиции. В декабре месяце для переговоров с софийской стороной в Константинополь по инициативе Киамиль-паши и Нелидова был приглашен Драган Цанков.

И здесь сразу надо отметить саму слабость надежд русского посла ^{на} успех переговоров о путях урегулирования болгарского вопроса. Нелидов, без сомнения, понимал, что нетерпимость Цанкова к своим политическим соперникам и его жажда власти, под скипетром русского царя, равно как и — позиция Петербурга по кандидатуре Мингрели делают шансы на благополучное завершение переговоров довольно призрачными¹⁷.

На переговорах болгарский лидер оппозиции выдвинул известный проект урегулирования кризиса.

Главные его пункты предусматривали следующее: ликвидация регентства, образование коалиционного правительства с передачей оппозиции портфелей министра внутренних дел,

министра иностранных дел и исповеданий, премьер-министра, передача военного министерства в ведение русских ставленников - Аульбарса или Кантакузина, выборы и созыв Великого Народного собрания, которому будет рекомендован Константинополем и Петербургом на болгарский трон князь Мингрели, пересмотр Тырновской конституции, восстановление в армии всех офицеров, замешанных в перевороте 9 августа 1886 года. Как признавался сам Цанков, вопрос о власти мог быть решен только однозначно: либо он не допустит в будущем правительстве своих соперников, либо последние арестуют и отстранят от власти его со своими сторонниками¹⁸.

Жесткая позиция Цанкова, сделавшего ставку на Петербург, заводила переговоры в тупик. Согласие Софии на подобный способ разрешения проблемы было невозможным.

Нелидов, все более утверждаясь в том, что болгарские власти не захотят добровольно уступить власть, выход видел только в очередном перевороте. Мнение своего дипломата поддерживал и император, оставив на полях его депеши краткую помету: "Только на это я и надеюсь"¹⁹.

Возлагая надежды на переворот, Александр III и Нелидов рассчитывали на военных, среди которых - как вне, так и внутри княжества - шла определенная работа по организации свержения существующей власти в Софии.

Эта старая ставка на насильственный переворот руками самих болгар отчетливо видна и в очередном высказывании российского императора, где подчеркивается необходимость поддержать военное движение материально.

В свойственном царю категорическом тоне делался вывод: "Все прочие соглашения и переговоры с партиями - вздор и чепуха и ничего не изменят"²⁰.

Переворот как средство возвращения Болгарии России подерживал и другой "царь" - Катков.

В своей записке от 8 января 1887 года к Александру III "верноподданный Михаил Катков", поддерживавший тесную связь с офицерами-эмигрантами, обращал внимание царя на готовность собравшихся в Бухаресте офицеров к выступлению. Основываясь на письмах одного из руководителей движения -

Груева, Катков подчеркивал: „дело облегчается тем, что болгарское лже-правительство нашлось вынужденным за недостатком сколько-нибудь порядочных офицеров, снова принять на службу в армию многих из тех офицеров, которые были смещены за сочувствие к России. Масса резервистов, как офицеров, так и солдат, готова к восстанию и вместе с некоторыми гарнизонами составит ядро, к которому, как можно надеяться, присоединится и вся болгарская армия. Власть негодяев, заполонивших Болгарию ... рухнет сама собою, без кровопролития, при решительной демонстрации, во главе которой будут находиться такие люди, как Груев, Бендерев, Радко Дмитриев и др.“²¹

Развивая свои мысли о необходимости помощи офицерам-эмигрантам, Катков смотрел дальше. Именно в военном элементе, преданном России, он усматривал базу для построения крепчайшего союза между Россией и Болгарией.

В его программе было и формирование правительства из военных и упрочение связи между русской и болгарской армиями. Причем присяга при поступлении на военную службу в Болгарии должна, по мнению Каткова, приноситься вначале российскому императору, а потом уже князю.²²

Взгляды Каткова, не требующие комментариев, не могли не встретить поддержки и одобрения Александра III. Учитывая убедительные аргументы Каткова о степени готовности болгарской оппозиции, просимая финансовая помощь — через Хитрово, возглавлявшего дипломатическое представительство в Бухаресте, — была оказана.

Однако Катков давал неверные сведения о мощи заговорщиков, будучи сам введен в заблуждение эмигрантами, переоценивавшими свои силы.

Сохранившиеся в АВПРИ документы о деятельности общества эмигрантов с центром в Бухаресте свидетельствуют о слабости базы подготавливаемого восстания. И здесь ярким и подробным документом является записка того же майора Груева от 14 февраля, хранящаяся в архиве МИД России. Суть ее выводов такова: ни интеллигенция, значительная часть которой примкнула к Стамболову, ни народ, терроризированный в своей массе властями и апатично относящийся ко всем насильственным перево-

ротам, ни армия, где проведена основательная чистка всех русофильски настроенных офицеров — не могут быть опорой для заговорщиков. Эмигранты, как подчеркивал Груев, смогли заручиться поддержкой лишь Дунайской флотилии и ограниченного числа офицеров из Силистренского, Шуменского, Систовского и Варненского гарнизонов. В этой ситуации, по мнению автора записки, успех предприятия мог быть обеспечен только посылкой крупного русского 4–5 тысячного отряда. Это формирование из запасных нижних чинов в болгарской форме и под командой болгарских офицеров должно было бы высадиться на территорию княжества после или одновременно с выступлением гарнизонов восточной части страны и образованием временного правительства²³.

Было бы весьма интересно проследить отношение русской дипломатии к предложению Груева. Как представляется, отзыв Петербурга был бы отрицательным. Александр III предпочитал вершить дела через самих болгар и их руками.

Однако время для реакции на предложение Груева было утеряно: в середине февраля заговорщики решились на восстание. Эта отчаянная попытка, как и предрекал автор записки, потерпела крах. Последовал жестокий разгром с казнями участников.

Следует лишь добавить, что поражение восстания было запрограммировано не только вследствие названных Груевым причин, но и по ряду других.

Здесь можно назвать малочисленность заговорщиков (50–60 офицеров), не сумевших создать надежную сеть своих сторонников в войсках, — и осведомленность властей в Болгарии о планах заговорщиков, что позволило заранее принять все необходимые меры для подавления восстания в кратчайшие сроки²⁴.

Именно эта быстрая — в течение нескольких дней — расправа предотвратила угрозу возникновения гражданской войны, которая в свою очередь могла инициировать ввод русских или русско-турецких войск в страну.

Особую активность в вопросе об оккупации княжества проявлял Цанков. Для него — равнявшегося к власти на русских

штыках — восстание с последующим превращением в гражданскую войну представляло удобный предлог, чтобы настаивать перед Нелидовым на занятии Болгарии русской армией. Причем оккупация проходила бы под вполне благовидным стремлением изобразить страну от междоусобных распрей, казней и развала. Для Нелидова же подобные рассуждения о занятии Болгарии одной Россией или в союзе с Турцией представлялись вполне приемлемыми²⁵.

Однако, как и в 1886 году, во время октябрьских попыток поднять восстание, так и сейчас подобный проект был сорван вследствие краха самого восстания. Правительство в Софии оказывалось гораздо сильнее, чем это воображали в Петербурге.

И здесь русский посол в Константинополе всю вину попытался возложить на Турцию. В частности, он выговаривал Киамиль-паше, что "идя путем совершенно противоположным нашим советам, Порта до такой степени усложнила вопрос, что одним словом или решением его покончить немислимо ... надо терпеливо выжидать последствий, ибо никому не желательно прибегать к вооруженному вмешательству, которое одно способно принести немедленные результаты"²⁶.

Думается, последняя фраза была сказана неспроста. Идея смешанной оккупации или отдельной давно имела хождение в русских дипломатических кругах и внушалась Порте через Гадбан-эфенди, бывшего вольно или невольно русским агентом влияния в Константинополе по болгарским делам.

Так, в начале февраля на заседании правительственной комиссии по болгарским делам Гадбан-эфенди, выступая за восстановление русского военного влияния в княжестве как верного средства по восстановлению в нем порядка и спокойствия, требовал от правительства единства действий с Петербургом. В противном случае, как предостерегал оратор, Россия сама может занять княжество, что в свою очередь повлечет русско-австрийское столкновение, от которого положение Османской империи отнюдь не улучшится. Играя на страхе Турции перед новым балканским кризисом, Гадбан-эфенди предлагал занять без всяких проволочек и оттяжек Восточную Румелию, заставив тем самым пойти болгарскую сторону на

требуемые Россией уступки. Если же Турции будет неудобно взять на себя такую роль, то ее можно передоверить России²⁷.

Однако одинокий голос Гадбана-эфенди не был услышан. В Константинополе вовсе не стремились к столь тесному взаимодействию по такому деликатному вопросу как оккупация Болгарии.

Здесь Порты больше прислушивалась к английской дипломатии. Посол Великобритании в Константинополе У. Уайт заявил 7 февраля Киамиль-паше, что если бы "Турция дала бы России согласие на занятие Болгарии своими войсками, то этот в высшей степени прискорбный факт повел бы к разделу Османской империи. Каждая держава взяла бы себе из ее владений наиболее подходящую для нее часть, причем России достался бы Константинополь"²⁸.

Разумеется, после такого предупреждения в турецкой столице и не помышляли идти на союз с Россией.

Настойчиво ища тот путь, который бы позволил России вернуть свои позиции в княжестве, Нелидов ухватился за английскую идею о назначении в Болгарию регента с согласия великих держав.

Выдвижение Лидоном этой идеи в самой общей форме было обусловлено, как объяснял Солсбери турецкому дипломату Рустем-паше, желанием английского правительства содействовать скорейшему разрешению болгарских дел, способному удовлетворить как турецкую, так и болгарскую стороны, и соответствовать Берлинскому трактату²⁹.

Следует лишь добавить, что идея регентства была вызвана и, как можно предположить с известной долей уверенности, отрицательным отношением Уайт-холла к личности Фердинанда Кобургского как ставленника Вены.

Здесь Великобритания опасалась того, что с приходом Кобурга ее влияние будет снижено. Кроме того, само появление князя Фердинанда на политической сцене отнюдь не содействовало стабилизации и успокоению ситуации на Балканах, где болгарские события уже довольно измучили европейскую дипломатию.

Заманчивость же идеи регентства для Нелидова состояла в том, что, по его мысли, на регента как на будущего болгарского князя возлагалась бы задача по восстановлению в стране требуемого Россией порядка и обеспечение правильных выборов в парламент. (Это означало бы в первую очередь удаление с политической сцены Стамболова и его сторонников)³⁰.

Однако, если болгары, в принципе соглашаясь на введение института временного регентства, предназначали на эту должность А.Богориди, то русская дипломатия высказывалась резко против.

В Петербурге опасались того, что бывший правитель Восточной Румелии станет марионеткой политических партий и существовавшего регентства.

Русской политике, по выражению Нелидова, необходим был такой человек, который стоял бы вне партий и "не нуждался бы в невозможном при настоящих условиях избрании, а равно не стеснялся в своих мерах по успокоению края, не имея надобности ни искать там популярности, ни привязывать к себе ту или другую личность или партию". Этим регентом поставлен мог быть, по его мнению, князь А.П.Ольденбургский. Однако царь был настроен против, вероятно считая его не той фигурой, в которой нуждается Болгария³¹.

Очевидно было одно: для Александра III в целях "усмирения" Болгарии с ее "нигилистами" нужна была личность наподобие генерала Эрнота, отлично зарекомендовавшего себя в глазах императора во время событий 1881 года.

Естественно, что такая кандидатура в случае ее выдвижения наталкивалась бы на резкое сопротивление той же Англии, Австро-Венгрии и, разумеется, Болгарии.

Определенные надежды на выход из столь затруднительной ситуации, связанной с выбором регента, могли возникнуть лишь в случае согласованных действий с Портой. Однако в этом вопросе Константинополь вел себя довольно независимо. Соглашаясь с введением института регентства, Порта в то же время, исходя из своих интересов, недвусмысленно намекала тому же Нелидову, что на успех можно рассчитывать лишь в случае одобрения личности регента всеми великими держава-

Эта принципиальная оговорка – при крайне отрицательной позиции Великобритании к проекту отдельных русско-турецких действий – делала бессмысленной задуманную Россией интригу ³³.

Однако Александр III не хотел окончательно расставаться с мыслью об "удобном" регенте, вернее, своем заместителе в княжестве. Лишь в вопросе о князе Мингрели Петербург, видя всю тщетность своих попыток, решил прекратить дипломатическую игру с его выдвижением ³⁴.

Неудачи, преследовавшие русскую политику, не вели к какому-либо изменению стратегии.

Это четко просматривалось в майском политическом обозрении МИД, где говорилось: "...не признавая законности настоящего регентства, императорское правительство будет однако же продолжать свою примиряющую деятельность с целью приведения болгарского кризиса к удовлетворительной развязке посредством соглашения держав, но, во всяком случае, сохраняет за собой полную свободу действий относительно мер, которые государю императору благоугодно будет принять для охранения интересов России" ³⁵.

Однако из этого совершенно не следовало, что в Петербурге верили в возможность соглашения с великими державами, или были готовы к какому-либо решительному шагу, как, например, вводу русских войск в Болгарию. В сущности, – после ухудшения отношений с Веной, сохранения дистанцированности в русско-английских отношениях – это были шаблонные формулировки, которыми пытались успокоить себя на Певческом мосту.

В конечном итоге Александр III и его дипломаты, как тот же Нелидов и Гирс, были уверены в том, что София в конце концов будет вынуждена пойти на поклон к России.

Но на каких условиях?

И здесь русская дипломатическая мысль не могла вырваться из жестких рамок, установленных императором.

Это наглядно видно из идеи Гирса – после срыва проекта с назначением регента – добиться дипломатическим путем

назначения русского генерала в качестве комиссара и сломить таким образом непокорные власти в Софии.

Нереальность предложения министра иностранных дел была такова, что даже у Нелидова вызвала критику.

Определяя в разряд "сомнительных предприятий" план своего шефа, посол в Константинополе в то же время и сам не мог вырваться из замкнутого круга представлений по болгарской проблеме. Его идея, по своей сути, повторяла мысль Гирса о посылке комиссара, но у Нелидова русский представитель назначался бы по просьбе самой болгарской стороны! Свой проект Нелидов тем не менее попытался реализовать, начав при посредстве болгарского экзарха Иосифа переговоры с министром иностранных дел и исповеданий Начовичем. Однако переговоры завершились очередным фиаско. И здесь самым трезвым политиком оказался сам Александр III, оставивший на полях депеши своего посла в Константинополе лаконичную помету: "Я ничего путного от этого не ожидаю"³⁶.

Действительно, "ничего путного" у Нелидова не вышло. Можно предположить, что настойчивость русского дипломата с идеей о посылке генерала лишь укрепила Софию в скорейшем согласии и возведении на трон князя Фердинанда.

Этот акт и был совершен Великим Народным собранием 25 июня 1887 года.

И здесь София явно опередила Петербург, преподнеся очередной "сюрприз" не только России, но и другим европейским державам, где всерьез этого кандидата не воспринимали³⁷.

Излишне подробно говорить о позиции Петербурга. Достаточно того, что на куртуазное письмо князя Фердинанда к Александру III с такими типичными фразами, как: "Я надеюсь, что моя твердость, моя лояльность, моя справедливость, заслужат однажды одобрение вашего величества и я обрету великое счастье вновь заслужить как для моей новой родины, так и для меня влиятельную и необходимую защиту вашего величества"³⁸, — царь не счел заслуживающим отвечать.

Отказ Лобанова-Ростовского в Вене принять его официальную информацию о своем отъезде в Болгарию и занятии

престола делало ответ "сумасброду", по мнению Гирса, совершенно излишним³⁹.

Теперь русская дипломатия прилагала усилия, чтобы побудить Османскую империю к отказу в признании князя Фердинанда. Однако Киамиль-паша в этом вопросе довольно ловко славировал, заявив, что позиция Порты в этом вопросе будет зависеть от мнения великих держав. При этом великий везир ссылался на известную статью Берлинского трактата, гласившую: "Князь болгарский будет свободно избран населением и утвержден Портою с согласия держав"⁴⁰.

Таким образом Россия оказывалась в плену положений Берлинского трактата, за сохранение которых она же и выступала.

Выход — неожиданно — был предложен самой Софией.

Суть болгарского предложения состояла в том, чтобы использовать уже известную идею регентства применительно к самому князю Фердинанду. Избрание последнего регентом могло, по мнению болгарских властей, содействовать признанию князя Фердинанда со стороны России, соответственно, с последующим согласием Петербурга на его княжение. Однако это средство было сразу отвергнуто русской дипломатией по вполне понятным причинам, в числе коих было и опасение того, что Кобург будет марионеткой в руках болгарских политиков. Было также отвергнуто и предложение султана о созыве международной конференции. Здесь русская дипломатия весьма обоснованно опасалась, что ее участники будут стремиться к разрешению болгарского вопроса во вред интересам России⁴¹.

Та подозрительность, с какой Россия относилась к разрешению болгарского вопроса общими европейскими усилиями, безусловно затрудняла нахождение надежных и достаточно эффективных средств для его урегулирования.

Конечно, поиски велись и появлялись определенные проекты, но степень их реализации не была высокой.

Так, Нелидов в своем очередном проекте, исходя из тезиса о непризнании великими державами правления князя Фердинанда, предлагал приступить к занятию страны, чтобы "удалить оттуда укрепившееся со времени филиппопольского переворота антирусское правительство, а равно и возвратить сам

болгарский народ на путь правильного развития, с которого он был насильственно совлечен". В плане предусматривалась срочная высадка в Варне и Бургасе одной дивизии, которая могла бы обеспечить весь успех задуманного предприятия. За время шестимесячного пребывания русских войск назначенный в Болгарию комиссар должен был реализовать программу, по которой "свободно избранный" князь был бы признан всеми великими державами. В проекте был также зафиксирован ряд таких положений, как: недопущение гонений за прошлую политическую деятельность, изменение конституции в охранительном духе, преобразование армии с привлечением русских офицеров⁴².

Однако этот проект явно экстремистского характера не был принят императором. Александр III не мог и не хотел втягивать свою страну на путь, который был чреват очередной войной для России.

Несколько в ином ключе предлагал решение болгарского вопроса Николай Карлович Гирс.

В своей записке от 19 августа к Александру III он достаточно подробно представлял план смещения князя Фердинанда и замены его генералом Эрнстом в качестве временного управителя.

Суть проекта сводилась к тому, чтобы вначале с помощью Германии⁴³ объединить великие державы и соединенными усилиями оказать на Порту с целью принятия ею такого пакета мер, в результате которых новоявленный князь покинул бы Болгарию, где учреждалось бы временное регентство. В целях же нейтрализации Великобритании⁴⁴ Россия, по мысли Гирса, могла бы предложить в регенты иного — не русского — кандидата, но который подходил бы Петербургу по другим условиям. (Эта глухая фраза о некоем кандидате свидетельствовала о том, что вопрос о нем разрабатывался русской дипломатией. — В.К.)⁴⁵ Указывая далее в своей записке на возможное бездействие или двуличие султана в деле низвержения князя и правительства, глава российской дипломатии считал нужным сделать заявление о необязательности Берлинского трактата в условиях блокирования его постановлений не только

Портой, но и другими державами. Подобное заявление, по мнению Гирса, имело бы значение не только для Османской империи, но и для Австрии с ее интересами и положением в Боснии и Герцеговине, а также для самого болгарского правительства. Автор заключал, что такая "выжидательная, но твердая политика, в случае неудачи настоящих переговоров наших для восстановления законного порядка в Болгарии вполне соответствовала бы ... достоинству и интересам России". В то же время министр полагал, что надежда на успех переговоров и назначение генерала Эррота регентом еще окончательно не исчезла. И здесь Гирс подчеркивал еще раз, что поддержка Германией России может привести Австрию и, возможно, Англию и Италию к согласию на "наши предложения и регентство может быть поручено генералу Эрроту". В этой ситуации, как передавал Гирс мнение Эррота, можно было приступить к управлению с помощью той же военной оккупации или при содействии мощной группировки приверженцев бывшего князя Александра Баттенберга. Министр иностранных дел в этом случае не исключал возможности, что сторонники экс-монарха, желая заслужить "благovolение России" и зная о решимости князя не возвращаться в Болгарию, подчинятся в конце концов Эрроту⁴⁶.

План Гирса - в целом одобренный Александром III - обставленный рядом условий по своей сути был "кабинетным произведением" не учитывавшим действительных реалий международной обстановки.

Достаточно сказать, что надежды на Германию, на достижение согласия всех держав с кандидатурой Эррота выглядели весьма сомнительными.

И еще одно замечание: идея Гирса об угрозе державам распадом Берлинского договора имела бы смысл в том лишь случае, если бы Россия была готова к войне на два фронта - в Малой Азии и в Европе, а также имела бы мощных союзников. Но, как известно, Россия не была готова "раскатать" ту же Австро-Венгрию, не говоря уже о действиях на двух театрах военных действий.

Возвращаясь к надеждам Гирса на Германию, надо напомнить, что берлинский кабинет совершенно не стремился идти

на поводу у Петербурга по болгарской проблеме. Напротив. По информации Нелидова — настойчиво добивавшегося от Порты согласованных и решительных шагов по ликвидации болгарского вопроса — Бисмарк одобрял осторожную политику Константинополя⁴⁷.

В декабре 1887 года германский посол в турецкой столице фон Радовиц "дружески" объяснял своему русскому коллеге, что в Берлине готовы поддержать любое разрешение болгарской проблемы, если оно удовлетворит Россию и б у д е т п р и н я т о д р у г и м и в е л и к и м и д е р ж а в а м и!⁴⁸ (разрядка моя. — В.К.)

С точки зрения соблюдения Берлинского трактата позиция Бисмарка была неуязвимой. Однако в свете недавно заключенного русско-германского союза она выглядела несколько отстраненной, что было обусловлено совокупностью тактических линий стратегии Бисмарка.

Здесь и стремление канцлера, неудовлетворенного обязательствами России по недавнему договору, вынудить Петербург направить свою политику в нужном Германии направлении. Тесные союзнические связи Германии с Австро-Венгрией также заставляли Бисмарка дистанцироваться от прямой и действенной поддержки России. Тут же надо вспомнить и участие Бисмарка в создании Средиземноморской Антанты в 1887 году, куда вошли Австро-Венгрия, Италия и Англия. /Первое соглашение между Италией и Англией в форме обмена нотами относилось к февралю. В марте к нему присоединилась двуединая монархия. Оно, как известно, явилось следствием "бряцания саблями" во Франции и Германии. Суть его сводилась к сотрудничеству по поддержанию статус-кво на берегах Черного, Эгейского, Адриатического, Средиземного морей, а также на берегах Северной Африки. В нем можно было усмотреть некий смутный жест угрозы по отношению не только к Франции, но и к России, являвшейся для Англии и Австро-Венгрии источником тревог в балканском регионе, а также обнаруживавшей симптомы сближения с Францией. Второе соглашение (декабрь 1887 г.), подтверждая предыдущее, включало в себя добавление о Болгарии и Малой Азии, где три державы соглашались принять на себя сохранение ту-

рецкого созеренитета от "незаконных русских предприятий". Таким образом задача этой неформальной дипломатической структуры состояла и в сдерживании возможных акций Петербурга /. И тут Бисмарк, ^{суть} которого сложной, внешне противоречивой политической линией была в том, чтобы избежать мрачной перспективы втягивания в войну на два фронта (с Россией и Францией), мог записать в свой актив еще одно достижение, служащее укреплению безопасности Германии⁴⁹.

Таким образом германская тактика сводила к минимуму шансы Петербурга воздействовать на Турцию для разрешения в благоприятном для себя смысле болгарского вопроса.

К этому излишне добавлять и подробно говорить о том, что Англия, Австро-Венгрия и Италия были настроены против назначения Эрпрота.

В этой ситуации нажим Нелидова на Абдул-Гамида II, повторяясь, не давал каких-либо гарантий для совместных действий. Эта очевидная истина подтверждалась в выводах работы особой комиссии при Порте по болгарскому вопросу. Их суть заключалась в том, что совместные действия возможны только при наличии ряда уступок со стороны России⁵⁰.

Большого от Порты трудно было ожидать, особенно если учитывать то обстоятельство, что сам Нелидов "оправдывал" ее политику.

Повторяя доводы Константинополя, посол России писал в Петербург, что переход султана к решительным акциям может втянуть Турцию в войну со своим вассальным княжеством в случае отказа Софии подчиниться требованию изгнания Кобурга и последующего разрыва отношений. По мнению Порты, болгары в этой обстановке будут способны на восстание в Македонии, объявление независимости и провозглашение республики. В свою очередь это повлекло бы за собой не только турецко-болгарскую войну, но и втягивание в конфликт европейских государств, прежде всего России и Австро-Венгрии⁵¹.

Безусловно, эти доводы были достаточно впечатляющими по своим последствиям, но, как представляется, специально рассчитанными на русскую дипломатию.

В сущности, Турцию не столько занимала проблематика ис-

хода тех или иных вариантов по болгарской путанице и ее урегулирование, сколько поддержание своей устойчивости на международной арене.

И здесь, в русско-турецких отношениях, отчетливо наблюдались элементы тактики взаимоустрашения. С одной стороны, Нелидов пугал Абдул-Гамида II охлаждением отношений и некими чрезвычайными мерами по разрешению болгарского узла собственными силами. С другой же стороны, султан с великим веизиром пугали русского посла возможностью начала новой войны.

Вопрос ————— о войне был весьма интересен и сложен. Из———— донесения военного агента в Константинополе подполковника Пешкова Николая Николаевича от 24 августа 1887 года следовало, что Порты никогда не решится использовать свои вооруженные силы и не пойдет на оккупацию Восточной Румелии, если таковая будет предложена Россией с занятием последней собственно Болгарского княжества. Подобная позиция Абдул-Гамида II объяснялась, в частности, тем, что после оккупации Россия не будет спешить с выводом своих войск, но Константинополю предложит очистить Восточную Румелию от своих солдат⁵².

Это донесение Н.Н.Пешкова перекликалось с его майской информацией о постановлении совета министров Блистательной Порты в связи с зондажем европейских держав по болгарскому вопросу.

Относительно России в постановлении констатировалась готовность Петербурга пойти на некоторые жертвы при заключении желательного союза с Турцией. Одновременно же турецкий посол в Петербурге сообщал о проведении Россией подготовительных работ по организации вооруженных сил на Кавказе, впрочем как и по подготовке сил против Австро-Венгрии. По двуединой монархии отмечалась готовность Вены к объявлению войны России в случае введения русских войск в княжество. В то же время турецкий посол в Вене сообщал о намерениях МИД на возможность заключения австро-турецкого союза. Ответы же послов из Берлина, Лондона, Рима были тождественны: правительства этих стран полагали, что "права и интересы Турции в настоящем вопросе во всех отношениях могут со-

совиваться с интересами австрийского правительства, а результат политики российского правительства будет во всяком случае вредным и враждебным интересам Турции". Относительно Франции в постановлении было отмечено, что Париж, исходя из своих интересов, обязан противодействовать Берлину, но в болгарском вопросе он "будет участвовать в совокупных с прочими державами действиях"⁵³.

Особо интересным в этом постановлении, на наш взгляд, являются сведения об Австро-Венгрии и намерениях ее союза с Турцией.

Уже в июне того же года между двумя сторонами были начаты тайные переговоры. Конечной целью дипломатических усилий Вены было привлечение Турции к оборонно-наступательному союзу сроком на 15 лет, направленному против России. Австро-Венгрия, в частности, предлагала Константинополю возвращение Боснии и Герцеговины, оборону проливов со стороны Черного моря, обеспечение займа в 30 млн турецких лир под залог таможенных сборов, гарантию безопасности со стороны греческой, сербской и болгарской границ. Константинополь же, в свою очередь, обязывался бы принять ряд таких мер, как усиление обороны Анатолии на русско-турецкой границе, сосредоточение при первом требовании Вены всей массы войск на кавказской границе, вызвав тем самым отлив туда сил России из Европы. Однако по сообщению того же Пешкова предлагаемый в столь заманчивой форме союз оценивался в Порте весьма критично⁵⁴.

Державы тройственного союза в своем стремлении предотвратить и нейтрализовать возможность заключения турецко-русского соглашения использовали не только политику "пряника", но и "кнута", правда, несколько завуалированную.

Так, Вена и Берлин извещали Константинополь, что в случае отказа от реорганизации армии под руководством австрийских и германских офицеров, от плана сосредоточения войск в Анатолии на турецко-русской границе, тем более при обнаружении намерения заключить с Россией союз, интересы Османской империи "будут подвержены различным опасностям"⁵⁵.

Эта дилемма, вставшая перед Портой с весны 1887 года, была предметом тщательного анализа турецких государственных деятелей с целью уяснения всех выгод и потерь в случае присоединения или отказа от тройственного союза.

В этом смысле характерен доклад Киамиль-паши султану Абдул-Гамиду II еще от 28 марта, в котором он подробно перечисляет как преимущества, которые получит империя от вступления в союз, так и последствия, ожидающие ее вследствие отказа⁵⁶.

При чтении этого документа создается впечатление, что Киамиль-паша здесь старался убедить султана в необходимости присоединения Турции к предлагаемому союзу, гарантировавшему бы владения Османской империи от любого нападения извне.

Однако существовало и другое мнение.

Осенью того же года министр внутренних дел Мунир-паша представил Абдул-Гамиду II свой доклад, в котором указывал на всю губительность последствий вхождения в тройственный союз и отстаивал необходимость тесного соглашения с Россией. Как отмечал тот же Пешков, факты и доказательства, приводимые в докладе, не могли не произвести впечатления на султана, приказавшего рассмотреть его на совете министров. Результаты ноябрьского совещания были таковы: а) по вопросу соглашения с державами тройственного союза было единогласно принято отрицательное решение; б) на вопрос о союзе с Россией прозвучало слово "неудобоисполнимо" вследствие угроз известных держав (в первую очередь Англии и Австро-Венгрии); в) будучи убежденным в неизбежности войны между Россией и Австро-Венгрией, совет министров постановил придерживаться "строгого невмешательства и полного воздержания от каких бы то ни было враждебных демонстраций против той или другой стороны"⁵⁷.

Утвержденная султаном программа невмешательства хотя и успокаивала в определенной степени русскую дипломатию относительно союза Константинополя с державами-участниками тройственного союза, но в то же время — оставляла мало надежд на совместные действия в болгарском вопросе.

Россия должна была рассчитывать для достижения своих целей — как это было и ранее — прежде всего на внутренний переворот в Болгарии.

В этом ракурсе политической активности России представляют значительный интерес материалы секретной миссии дипломата Н.Г.Гартвига по координации деятельности эмиграции и сбору информации.

Вначале несколько строк о самом дипломате.

Николай Генрихович Гартвиг (1857—1914) родился на Кавказе в поселке Гори в семье военного врача, обрусевшего немца. С детства овладел французским и немецким языками. Позднее выучил болгарский, сербско-хорватский, персидский языки. Закончил с отличием классическую гимназию и историко-филологический факультет Новороссийского университета. В 1874 году блестяще защитил магистерскую диссертацию на тему "Оноре Габриэль Мирабо". С 1875 года началась его карьера на дипломатическом поприще, где его незаурядные способности помогли продвижению по служебной лестнице. Уже в 1884 году он стал надворным советником. В 1896 году получил чин действительного статского советника. В 1900 году ему было присвоено звание гофмейстера императорского двора. Занимал ряд ответственных постов как в аппарате МИД, так и за рубежом. С 1909 года вплоть до своей несколько загадочной кончины в канун первой мировой войны был чрезвычайным и полномочным представителем Российской империи в Сербии⁵⁸.

С самого начала Гартвиг во время своих встреч и бесед с представителями эмиграции в Константинополе, Адрианополе, Бухаресте стремился рассеять их надежды на вооруженное вмешательство России в болгарские дела. Эмигрантам внушалось, что освобождение их страны зависит только от них и рассчитывать они могут лишь на свои силы, на прочность создаваемой базы⁵⁹.

Именно по состоянию базы и, в целом, по войскам, размещенным как в собственно княжестве, так и на территории Восточной Румелии, Гартвигом была собрана подробнейшая по своей тщательности и методичности информация о степени надежности и верности делу освобождения страны от Стамболова

и князя Фердинанда.

Из характеристик частей и их командиров следовало, что в своем большинстве руководство армейских подразделений находится в оппозиции к правительству⁶⁰. По предоставленной Гартвигу эмигрантами информации наиболее надежными считались подразделения, размещенные в Софии и ее окрестностях, Видинском и Тырновском округах, — Плевене, а также части в Пловдиве, Хаскиой, Стара-Загора, Сливене, Бургасе. Наименее надежными в смысле выступления против правительства были объявлены войска в Русуке, Шумле, Варне⁶¹.

Эмигранты заверяли Гартвига в том, что возбуждение населения против софийских правителей возрастает со дня на день, а крестьяне "почти всей северо-западной части княжества готовы будут восстать при первом зареве"⁶². По мнению эмиграции, их дело будет поддержано и такими видными фигурами, как Каравелов, Паница, Радославов⁶³.

Передаваемая Гартвигом бодрая информация эмигрантов о создаваемой ими базе свидетельствовала об их желании предпринять свое предприятие поставленным на прочные основы.

Безусловно, сведения о настроении армейских частей, предполагаемое согласие Каравелова и других на участие в антиправительственном заговоре должны были внушать надежды на успех.

Однако — как видно из самих материалов — каких-либо твердых гарантий, четких связей у эмиграции не было. Не выдерживает критики и утверждение заговорщиков о готовности крестьян к восстанию.

Более соответствовало истине высказывание майора Груева, который, как указывалось ранее, утверждал, что ни народ, терроризированный властями и апатично относящийся к насильственным переворотам, ни армия, где проведена основательная чистка, не могут быть серьезной опорой для эмиграции.

Надо полагать, что заговорщики знали свои слабости, но какого-либо иного выхода кроме вооруженного восстания они не видели.

Так, когда Гартвиг предложил им вести легальную борьбу с правительством при помощи прессы и выборной агитации,

эмигранты отвергли это средство, сославшись на полную невозможность его использования в условиях правительственной цензуры и террора населения с помощью войск. На резонное замечание русского дипломата о степени их надежд на армию, применившую оружие против народа во время сентябрьских выборов в Народное собрание, был получен весьма расплывчатый ответ. Его суть сводилась к тому, что даже самые преданные эмигрант^{ам} и их делу полки не примкнут к восстанию двух-трех деревень, если не будут наперед уверены в поддержке армейских частей, где действуют их единомышленники. Именно поэтому эмигранты предполагали начать свою акцию, когда и в народе, и в армии будут готовы к восстанию⁶⁴.

Было отвергнуто и предложение Гартвига о примирении со Стамболовым путем взаимных уступок и при возможном посредничестве Петербурга, куда обратились бы обе стороны. По мнению эмигрантов, любая попытка переговоров со Стамболовым была заранее обречена на неудачу, сами же они потеряли бы из-за такого шага своих сторонников в армии⁶⁵.

Эти риторические вопросы Гартвига с заранее известными ответами можно было сравнить с проверкой на благонадежность. Этот экзамен был выдержан: Петербург мог убедиться в твердости намерений эмиграции и серьезности создаваемой базы.

Миссия Гартвига, как уже подчеркивалось, включала в себя координацию деятельности эмиграции. Эта задача для русского эмиссара, в котором угадывался сторонник авантюрной политики с явно некритическим отношением к восстанию, не представляла особых затруднений.

В октябре 1887 года он через Нелидова сообщал в Петербург о ликвидации попыток к сепаратным выступлениям, установлении связей константинопольской эмиграции с эмигрантами в Румынии и Сербии. Та легкость, с которой была преодолена разрозненность в эмигрантской среде, тем не менее не внушала доверия Александру III, считавшему, что Гартвиг "слишком успокоителен и слишком надеется на успех"⁶⁶.

Царь здесь забывал одно: легкость была обусловлена в немалой степени и основательными надеждами эмиграции на финансовую поддержку их предприятия.

Именно вопрос материального обеспечения был поставлен перед Гартвигом. Деньги требовались не только на организацию восстания, но и на поддержку эмигрантов, оставшихся без средств к существованию.

Сам Гартвиг, выступая кодатаем в вопросе финансирования болгарского дела, подчеркивал, что даже при самом неудачном исходе его вся ответственность падет на оппозицию. Далее в письме к Зиновьеву развивалась мысль о том, что даже сам провал будет относительным, учитывая настроения в армии и народе. Поэтому если дело эмиграции потерпит поражение, а сами эмигранты подвергнутся репрессиям, то сам болгарский народ в своем общем движении совершит так или иначе переворот. (Здесь у Гартвига все та же явная переоценка народа и армии. — В.К.). Отказ же в деньгах означал бы развал всего движения на мелкие группы с их такого же масштаба восстаниями, легко подавляемыми правительством. Уничтожение же по частям групп сторонников России закономерно приведет к укреплению существовавшего положения в Болгарии⁶⁷.

Подобные рассуждения Гартвига должны были подействовать на царя в вопросе о деньгах, так как болгарская оппозиция — как внешняя, так и внутренняя — были для Александра III той силой, которой необходимо было воспользоваться.

Однако, разрешая выдачу эмигрантам средств, император не питал особых надежд на успех их замыслов, для осуществления которых нужна была большая подготовительная работа.

С последним были согласны и сами эмигранты. При активном участии Гартвига они в июне 1887 года провели совещание в Константинополе с подписанием известного протокола о целях, организации и принципах работы по "низвержению противозаконного правительства". По своей структуре — и здесь нужно согласиться с болгарским исследователем Грынчаровым — он представлял смешение программных и уставных положений⁶⁸. Яркая выраженная декларативность сочеталась в нем с правилами конспиративной работы.

Однако для русской дипломатии этот недостаток с лихвой покрывался самим фактом создания общей организации эмигрантов.

По выражению Ю.С.Карцова, русскому правительству "стало гораздо удобнее: или предоставить эту деятельность ее естественному развитию или задержать, или совсем остановить, смотря по обстоятельствам"⁶⁹.

При этом русский дипломат умудрился "забыть" главное, а именно, содействие в координации деятельности эмиграции, чему была и посвящена миссия Гартвига.

Эта координация сил по подготовке к восстанию была связана с планом руководителя эмиграции Цанкова.

По его проекту вся эмиграция делилась на три большие группы: на границе с Восточной Румелией, в Румынии и Сербии. Наиболее важное место отводилось эмигрантам в Сербии, где на них возлагалась задача по подготовке восстания в западной части Болгарии. По мнению лидера оппозиции, именно тамошнее население было настроено особенно враждебно к правительству. Эта территория и должна была послужить ядром будущего восстания⁷⁰.

Следовало лишь урегулировать вопрос с сербскими властями относительно проживания эмигрантов вблизи сербско-болгарской границы, откуда предполагалось засылать в княжество специальных эмиссаров для работы в армии и среди гражданского населения.

Этим и занялся Гартвиг в ноябре 1887 года.

Ситуация была не простой. Ко времени своего прибытия в Белград он застал там только трех эмигрантов, остальные были вынуждены покинуть королевство из-за жалоб болгарского дипломата Минчовича. Представитель княжества в своих демаршах указывал на нарушение Белградом конвенции, по которой политическим эмигрантам обоих государств разрешалось селиться лишь на расстоянии не менее 60 км от границы. Именно на это соглашение и ссылался Ристич Й. во время обсуждения проблемы с Гартвигом⁷¹.

В конечном итоге сербский кабинет министров пошел на уступки. Сговорчивость Белграда объяснялась желанием сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное увольнением митрополита Михаила, чья преданность России была общеизвестна⁷².

После успеха в Белграде в Петербурге начал обсуждаться вопрос о выделении Цанкову около 30 тыс. франков, необходимых как для отправки офицеров-эмигрантов в Сербию, так и для сдерживания преждевременных набегов в Восточную Румелию мелких групп. Руководство МИД, зная о 15-тысячном займе Цанкова у константинопольских банкиров на цели эмиграции, решило ограничиться выдачей ему именно этой суммы⁷³.

Отпуская деньги, русская дипломатия верила или хотела верить в серьезность намерений эмиграции по организации общего восстания.

Однако надежды Петербурга решительно не оправдывались. Полученные в декабре 15 тысяч франков были израсходованы на вооружение мелких групп. Но как и октябрьская экспедиция поручика Боянова, так и декабрьская вылазка под руководством штаб-капитана Н.А.Набокова окончились разгромом.

Подобная деятельность в который раз обнаруживала всю свою неэффективность, равно как и несостоятельность Цанкова на посту руководителя всей эмиграции.

Гартвиг пытался в своих несколько путаных объяснениях перед директором Азиатского департамента МИД И.А.Зиновьевым оправдать лидера болгарских эмигрантов. Выгораживая Цанкова, Гартвиг — не надо забывать об этом — хотел оправдаться и сам. Именно он уверял свое руководство в скором осуществлении стратегического плана Цанкова, вылившегося в мелкую и неудачную акцию.

В своей записке от 18 января 1888 года Гартвиг обращал внимание Зиновьева на то обстоятельство, что Цанков был вынужден отпустить Боянова и Набокова вследствие категорического отказа последних ждать более благоприятного времени и условий для начала восстания. Для придания большего веса своим словам Гартвиг привел довольно интересный разговор Набокова с Кривцовым, председателем славянского благотворительного общества в Одессе: "Как вы думаете, — спросил он последнего, — если меня Стамболов расстреляет, Россия займет Болгарию? — Не думаю, — возразил Кривцов. — Почему вам пришла такая идея в голову? — Ведь я русский офицер и российское правительство должно будет за меня заступиться,

если Стамболов задумает учинить надо мною расправу. — Во всяком случае можете быть уверены, что оккупации из-за вас не будет. — Ну мне все равно, — отвечал Набоков, — я пойду в Болгарию с тем, чтобы меня расстреляли, авось это вызовет какое-нибудь решительное действие со стороны русского правительства". Далее Гартвиг живописал, что Цанков, видя решимость Набокова и Боянова, был вынужден отпустить их, снабдив предварительно оружием⁷⁴.

Здесь возможны две взаимосвязанные гипотезы.

Первая: Цанков действительно полагал, что гибель Набокова подвигнет российское правительство к каким-либо решительным акциям, как это было в 1886 году после ареста и избиения служителя русского консульства в Пловдиве.

Вторая: Цанков рассчитывал, что экспедиция Набокова еще раз напомнит Европе о нерешенности болгарского вопроса.

Доводом в пользу обеих гипотез является спешная трата 15 тысяч франков, полученных от русского правительства, на вооружение того же Набокова, в то время, когда сама подготовка к общему восстанию была далека от завершения.

Тем временем, виртуозно обыграв историю провалившейся авантюры, Гартвиг продолжал решительно выступать за продолжение помощи эмигрантам.

Стараясь убедить Зиновьева в своей правоте, Гартвиг приводил ряд сообщений болгарских заговорщиков о враждебном отношении армии к князю Фердинанду, о готовности к движению населения Татар-Пазарджикского округа, о подготовке двух тысяч резервистов в округах Трн и Брезник, о благоприятной обстановке в Сербии для засылки оттуда агентов в княжество, о намечаемом соглашении между Цанковым и Каравеловым о совместных действиях⁷⁵.

Однако эта вторичная информация была весьма сомнительна.

Трудно поверить в достоверность вербовки двух тысяч человек одним из заговорщиков — неким В.Пейчевым — в условиях жесткой полицейской слежки в княжестве. Повтор же сведений о благоприятном режиме для деятельности заговорщиков в Сербии еще далеко не означал гарантии успеха, ввиду крайней

малочисленности в пять-десять человек этой группы. Остальные сведения выглядели довольно стандартными и имели лишь относительную ценность.

Гартвиг был прав в одном: требовались значительные средства для подготовки восстания. Здесь же надо добавить — и времени, так как первоначальная установка Цанкова провести всю работу за два месяца терпела крах.

Какова же была реакция Петербурга? Ответ прост: никакой! На Певческом мосту, видимо, решили не спешить с выплатой денег Цанкову после провала санкционированной им экспедиции Набокова. Поставляемая же через Гартвига информация, вероятно, выглядела для Зиновьева малоубедительной.

К середине января 1888 года в Петербурге уже разрабатывали другой план по удалению князя Фердинанда. Он был связан с именем близкого друга князя известного банкира и железнодорожного дельца Морица Гирша. Последний обещал главе российского МИД уговорить Фердинанда покинуть Болгарию. Однако и здесь "счастливого конца" не получилось. Гирш отказался от своего намерения на том основании, что положение его друга — ранее славшего ему отчаянные письма — упрочилось⁷⁶.

Действительно, мнение Гирша, в целом, соответствовало той обстановке, сложившейся в сфере власти.

Понимание своей декоративности и горькие жалобы на своих министров во главе со Стамболовым отнюдь не мешали князю иметь основания быть довольным тем упорством, с каким его тот же Стамболов и его кабинет защищали⁷⁷.

В подобной ситуации, когда налицо был провал совместных действий с Османской империей и другими великими державами, когда растаяли надежды на скорое восстание с помощью эмиграции, императорское правительство сочло необходимым выступить с известным заявлением от 11 февраля 1888 года.

В нем подчеркивалось, что Россия оставит события в Болгарии следовать их естественному развитию, но в то же время будет рассматривать положение в стране как незаконное до тех пор, пока Фердинанд не покинет княжество.

Итак, несмотря на ряд неудач Россия все же отнюдь не

отказывалась от надежды вернуть Болгарию.

Примечания

1. В 1886 году на болгарском языке публикуется известное апокрифическое завещание Петра I, в котором русский император рекомендует своим наследникам продвижение на юг в черноморском направлении насколько возможно ближе к Царьграду. Как подчеркивается Хаджиниколовым "болгарскому читателю внушалась мысль, что Россия освободила Болгарию, чтобы превратить ее в объект своей завоевательной политики, конечной целью которой был Константинополь". — Хаджиниколов В. Русофилы и русофобы в болгарской исторической литературе до Октябрьской революции. — *Etudes historiques*. Sofia, 1968, т. 4, p. 65-66.

2. Радев С. Строителите на съвременна България. София, 1973, т. 2, с. 491.

3. Там же, с. 506-507.

4. Золотухин М.Ю. Болгарский кризис 1885-1886 гг. и крах австро-русско-германского союза. — *Вопросы истории*. М., 1984, № 4, с.55.

Возвращаясь к истории воссоздания союза трех императоров, следует отметить, что сама международная обстановка после Берлинского конгресса и стремление великих держав к обеспечению своей безопасности через формирование новых союзов обуславливали активность России по возобновлению соглашения прежде всего с Германией.

В Петербурге видели в нем реальную гарантию устранения угрозы изоляции, равно как и обеспечение мира и определенного равновесия в Европе с сохранением своей доли влияния и участия в международных делах.

Необходимость такого соглашения с Германией и подключенной к нему Австро-Венгрией была обусловлена и обеспечением защиты своих интересов в проливах, контроль над которыми был давним стратегическим идеалом для России, обеспокоенной защитой побережья Крыма, Кавказа и Украины.

Заключение подобного договора позволяло отвести потенциальную угрозу закрепившейся в Турции Англии в вопросе о проливах: дипломатия Уайт-холла, как известно, стремилась помешать превращению России в средиземноморскую державу и видела в Болгарском княжестве русский плацдарм для продвижения к проливам и Константинополю.

Для России же, не отказывавшейся от мысли о контроле над проливами и озабоченной возможной экспансией Вены на Балканах, оставалось важной задачей укрепление в Болгарии.

Немечтавшийся союз с Германией был выгоден и последней, заинтересованной в нейтралитете России в случае войны с Францией и в привлечении к союзу Австро-Венгрии для укрепления мира в Европе.

С подозрением относившаяся к Австро-Венгрии и ее балканской политике, считавшая, что от нее исходит опасность развязывания новой войны, Россия тем не менее сошла за лучшее уступить Германии в вопросе привлечения Вены к договору.

Для самой двуединой монархии, также обеспокоенной проблемой безопасности, предлагаемое соглашение должно было послужить дополнительной гарантией мира, учитывая тот факт,

что осенью 1879 года между нею и Германией был оформлен союз, гарантировавший взаимную помощь в случае нападения со стороны России.

После долгих переговоров секретный договор 6/18 июня 1881 г. был подписан его тремя участниками и вошел в историю как соглашение о нейтралитете.

Договор означал, что Россия гарантирует свое невмешательство Германии в случае войны последней с Францией. В свою очередь Германия и Австро-Венгрия брали на себя обязательство по сохранению нейтралитета в случае войны России с Англией. Равным образом в договоре было зафиксировано, что его участники обязывались взаимно считаться с интересами договаривавшихся сторон на Балканах. — Подробно см.: Скавкин С.Д. Конец союза трех императоров. М., 1928, т.1. (2-е издание, М., 1974).

5. Грынчаров С. Политическите сили и монархическият институт в България 1886-1894. София. 1984, с.90-97.

6. Там же, с.92-93.

7. Радев С. Строителите ... с.513.

8. Там же.

9. Там же, с.520.

10. Заинтересованный по уже известным причинам в сохранении союза с Россией Бисмарк не хотел портить отношений с Петербургом. Этим объясняется положительный ответ Берлина на обращение Александра III к Вильгельму I в начале 1887 года о недопустимости возвращения в Болгарию Баттенберга. — Ламздорф В.Н. Дневник /1886-1890/ М., т.1. 1926, с.25, 61.

11. Радев С. Строителите ... с.522.

Здесь следует лишь добавить, что выход Болгарии из-под плотной опеки России создавал определенные трудности для продвижения последней к проливам.

Английский премьер-министр Солсбери на болгарском примаре становился на ту точку зрения, что только через создание прочных, независимых (естественно от России. — В.К.) государств на Балканах можно "создать гораздо более надежный барьер на пути русской южной экспансии, чем это могла бы сделать Турция". — Clauton G. D. Britain and the Eastern Question Missolonghi to Gallipoli. London. 1971, p. 180.

12. Радев С. Строителите ... с.525-527.

13. Там же, с.530-531.

14. Там же, с.495.

15. Там же, с.496.

Здесь представляется необходимым напомнить, что Тырновская конституция, принятая Учредительным собранием весной 1879 года, по мнению многих современников, не соответствовала уровню развития общества.

Как подчеркивает исследователь болгарского парламентаризма Т.Ф.Маковецкая "Буржуазные государственно-правовые установки были определяющими в Тырновской конституции. Однако формально-юридические предпосылки для утверждения национальной буржуазии были созданы раньше, чем этот класс укрепил свой социальный и политический приоритет и дифференцировался политически" — Маковецкая Т.Ф., Бирман М.А. К вопросу о некоторых тенденциях становления и развития

болгарского буржуазного государства. — Балканы в конце XIX начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991, с. 289.

16. Радев С. Строителите ... с. 497, 500.

17. Александр III был осведомлен из депеш Нелидова еще в декабре 1886 года о кампании в Болгарии против кандидатуры князя Мингрели. Однако император подчеркивал: "Другого кандидата у нас нет, кроме князя Мингрельского". — Ламздорф В. Н. Дневник 1886—1890 ... с. 32—33.

18. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 25, л. 104, А. И. Нелидов — Н. К. Гирсу, 15/27 января 1887.

Из текста Нелидова ясно, о каком Каульбарсе идет речь.

Как известно, было два брата — А. В. Каульбарс и Н. В. Каульбарс. Александр Васильевич Каульбарс (1844—1929) — занимал пост военного министра в княжестве в 1882—1883 гг., когда во главе правительства стоял генерал Л. Н. Соболев.

Николай Васильевич Каульбарс (1842—1905) — более всего известен для Болгарии своей деятельностью в 1886 г. на посту дипломатического представителя с особыми полномочиями. Его работа определялась задачей добиться подчинения правящих кругов Софии требованиям России, от выполнения которых зависела ликвидация напряженности в русско-болгарских отношениях. Именно Каульбарсом был предпринят решительный шаг по разрыву отношений с Болгарией. — См. подробно: Косик В. И. Русская политика в Болгарии 1879—1886. М., 1991.

Кантакузин Михаил Александрович (1840—1891) занимал пост военного министра княжества в 1884—1885 гг. Был отозван по приказу императора из Болгарии вместе с другими русскими офицерами после известия об объединении княжества с Восточной Румелией. В условиях наступившего кризиса на Балканах Россия во главе с императором Александром III, не одобрявшим акт соединения, не хотела рисковать быть втянутой в военный конфликт, в котором были бы задействованы русские офицеры на болгарской службе.

19. Там же.

20. Ламздорф В. Н. Дневник /1886—1890/ ... с. 54.

21. АВПРИ, ф. Секретный архив, д. 752/808, л. 46—47 об., М. Н. Катков—Александр III, 8 января 1887.

В определенном отношении уяснить политическую программу болгарских эмигрантов, указанных у Каткова, позволяет заявление Р. Дмитриева, сделанное им в 1886 г. после свержения князя Александра I Баттенберга. В частности, Дмитриев подчеркивал: "Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение ... Наши мечты были ... достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то по крайней мере фактически установилось это объединение". — Новое время. 1886. 1/13 октября. № 3804.

О личности самого автора заявления необходимо сказать, что Дмитриев Радко /Руско Д. Русков/ (1859—1918) был участ-

ником русско-турецкой войны. Окончил военное училище в Софии, в Петербурге — Николаевскую академию генерального штаба. Активный деятель движения за воссоединение Болгарии. После событий, связанных с дестонацией Александра I, эмигрировал в Россию, где служил в армии. Вернулся в Болгарию в 1898 году, заняв пост начальника штаба армии. Во время Балканской войны 1912 года успешно командовал III армией. В межсоюзнической войне был помощником главнокомандующего. Во время I мировой войны из-за несогласия с политикой короля Фердинанда вышел в отставку. Поступил на службу в русскую армию. Командовал VIII и II сибирскими корпусами, III и XII армиями на Юго-Западном и Северо-Западном фронтах. Расстрелян эсером Серокиным в 1918 году. — Дренски И. Радко Дмитриев. — Кн. Бележити българи. София, 1971, т. IV, с.587-598.

Теперь о Бендереве и Груеве.

Бендерев Анастас (1859-1946) — участник национально-освободительной борьбы. После освобождения страны получает военное образование: в Софии завершает военное училище, в Петербурге — Николаевскую академию генерального штаба. Участник сербско-болгарской войны. После событий, связанных с дестонацией Александра Баттенберга, эмигрирует в Россию, где зачисляется на военную службу. Участник "революционного комитета" болгар-русофилов в Румынии. Свою военную карьеру закончил в чине генерал-лейтенанта. Участник русско-японской и первой мировой войн. Дальнейшая жизнь проходит в Болгарии, куда он эмигрировал с частями Добровольческой армии. — Энциклопедия. Българската възрожденска интелигенция. София. 1988, с.63.

Груев Петр (1855-1942) — завершил Михайловскую военную артиллерийскую академию. Участник русско-турецкой и сербско-болгарской войн. В 1885-1886 гг. являлся начальником Военного училища в Софии. Участник заговора против Александра I. В 1886 г. эмигрирует в Румынию. В 1887 году зачисляется на службу в русскую армию. Скончался в Туле. — Энциклопедия ... с.170.

22. Там же, с.49-52.

23. Там же, ф. Политархив, д.2180, л.226-228, записка П. Груева от 14 февраля 1887.

24. Радев С. Строителите ... с.593-595.

25. АВПРИ, ф. Канцелярия, д.25, л.215-216, А.И.Нелидов Н.К.Гирсу, 20 февраля/4 марта 1887; Цанков в своей мартовской записке на имя Киамиль-паши, обвиняя правящие круги в Софии в жестокостях по отношению к участникам восстания, отказываясь от переговоров с представителями княжества. В целях предотвращения новых кровавых столкновений он призвал Порту к оккупации Восточной Румелии. — Радев С. Строителите ... с.639-641.

26. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 25, л.243 об-244, А.И.Нелидов — Н.К.Гирсу, 26 февраля/10 марта 1887.

27. Там же, л.182-189, записка второго драгомана посольства Максимова к Нелидову о заседании комиссии со слов Гадбана-эфенди, 6 февраля 1887.

Гадбан-эфенди — государственный деятель и дипломат.

По роду возлагавшихся на него правительством поручений был тесно связан с болгарскими делами. В частности, занимался вопросами, связанными с объединением княжества с Восточной Румелией, вакуфами в Болгарии и др.

28. Записки великого визиря Киамиль-паши. - Известия МИД, Петроград, 1916, кн. III, IV, с.139-140.

29. A Russian Diplomat 's Comments on the Bulgarian Crisis, 1885-1888. The Letters of E.E. Staal to N.K. Giers. By Jelavich B. - Südost-Forschungen. R. Oldenbourg/München, 1975, band XXXIV, p. 265.

30. АВПРИ, ф. Канцелярия, д.25, л.328об-329 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 9/21 апреля 1887.

31. Там же, ф. Политархив, д. 967, л.15-17 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 12/24 марта 1887.

Здесь следует заметить, что Александр Ольденбургский выдвигался самими болгарами в качестве претендента на трон еще осенью 1886 года. Однако тогда он сам отказался, заметив полшутя, полусерьезно императору: "Одно из двух: я должен быть или болгарским князем, или верноподданным Вашего Величества, но соединять одно с другим является немислдимым. Поэтому я предпочитаю остаться вашим верноподданным". - Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке 1879-1886. СПб., 1906, с.354.

32. Там же, ф. Канцелярия, д. 25, л.328 об. - 329 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 9/21 апреля 1887.

33. Признавая резонность договоров Порты, Нелидов в мягкой форме напоминал Гирсу, что успех русского предприятия представляется ему сомнительным. По полученной им информации Киамиль-паша был предупрежден Уайтом о том, что ведение русско-турецких переговоров вне "содействия и извещения" Великобритании и других великих держав снимает с Лондона ответственность за "последствия принятых таким путем решений". Таким образом, Англия, не чиня видимых препятствий, может и будет возбуждать против будущего регента самих болгар. Как подчеркивал Нелидов, это будет весьма правдоподобно, учитывая, что сами болгары "не примут никакого устройства или решения", которое не было бы предварительно обговорено с ними. - АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 25, л.338-339 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 9-21 апреля 1887; МИД России параллельно предпринимал еще одну попытку вынудить Турцию к решительным действиям в целях восстановления в Болгарии "законного порядка вещей".

Смысл предложений Петербурга сводился к тому, что если София не подчинится требованиям России и Турции на основе программы, которая будет ими принята, "то Порты должна произвести давление на болгар, послав одно военное судно в Бургас и произведя военную демонстрацию на суше". Однако предлагаемое средство нашло весьма прохладный прием. Как далее пишет Киамиль-паша, чрезвычайный совет пришел к выводу, что "вооруженное вмешательство Турции в болгарские дела может вызвать или смуту среди болгар, должествующую породить междоусобицу в Болгарии, или же военные действия между турецкими и болгарскими войсками с открытым восста-

нием Болгарии против верховной Турции. Совет отверг военное вмешательство и установил для турецкой политики основное правило поддерживать нынешнее болгарское правительство и щадить народное самолюбие болгар. Ибо ... без нынешнего правительства немисливо сохранения порядка в Болгарии ... Крутое же обращение Порты с болгарями может вооружить их против вассальной зависимости от нее, что еще более противно турецким интересам.Россия держится мнения, будто ныне существующий в Болгарии официальный строй противоречит Берлинскому договору. Однако это мнение не разделяется другими державами. Оттого условленное между Россией и Турцией вступление, основанное на этой базе, непременно встретит сопротивление со стороны держав. Никким образом недопустимо, чтобы мы связали себя с Россией на основе очевидно своеобразного толкования его договора". В итоге Киамиль-паша приходил к заключению, что "Если Россия сделает удобоисполнимое предложение, то мы на его почве сделаем сообщение державам. В противном же случае нам придется действовать, соображаясь с данною конъюнктурой". - Записки великого визиря Киамиль-паши. Известия МИД. Петроград, 1916, кн. III, IV, с. 152-153.

34. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 29, л.92 и об., МИД - Нелидову, 21 марта 1887.

35. Там же, д. 68, л. 7 и об., извлечение из политобозрения, 1 мая 1887.

36. Там же, д. 25, л.508-511 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 11/23 июня 1887.

37. В частности, Е.Е.Стааль писал Гирсу из Лондона 4/16 июля 1887 года, что, по его мнению, кроме Вены, "никто всерьез этого кандидата не поддерживает ... Мне кажется, что в глубине, никто не желает принца с изнеженным характером и амбициями. Считают, что он мало сделает для того, чтобы понравиться нам и еще меньше, чтобы укрепить независимость и благополучие избравшей его страны. В любом случае, князя, покрывающий себя украшениями и напомаживающий руки, кажется мало сделавшим для того, чтобы подняться на трон ... О нем говорят как об очень духовном и культурном, но этого не достаточно". Дополнительным свидетельством "авантюры" с избранием князя Фердинанда, судя по письму того же Стааля, было неофициальное обсуждение по выдвижению на болгарский трон принца Веймарского. Стааль весьма критически оценивал эту кандидатуру, подчеркивая Гирсу, что у принца нет ни опыта, ни преданности, что он "настолько ленив, насколько его соперник кокетлив". Однако напоминая в письме поговорку о том, что "в стране слепых и одноглазые - короли", а также исходя из ограниченности кандидатур, посол приходил к выводу, что принц, все рассчитав, может пройти как один из лучших. - A Russian Diplomat's Comments on the Bulgarian Crisis, 1885-1888. The Letters of E.E. Staal to N.K. Giers ... p. 266.

38. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 14, л.8-9, Фердинанд I - Александру III, 7 августа 1887; Фердинандом I в подобной манере было написано и обращение от 6/18 июля 1887 года. - Там же, л. 425 об.

39. Там же, ф. Канцелярия, д. 34, л.37, Н.К.Гирс-Александру III, 2 августа 1887.

40. Там же, д. 25, л.54I, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 2/14 июля 1887.

41. Там же, л.57I-573, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 6/18 июля 1887.

42. Там же, д. 68, л.23-28, А.И.Нелидов - МИД, 3 августа 1887.

43. Надежды на Германию были обусловлены заключением с ней в июне 1887 года договора на три года, пришедшим на смену союзу трех императоров.

Участие Австро-Венгрии в нем по настоянию России было исключено в связи с политикой венского кабинета, "не внушающего доверия". Однако желание России обеспечить себе нейтралитет Германии в случае войны Австро-Венгрии с Россией встретило сопротивление Бисмарка, вынужденного ознакомиться с представителем России графа П.А.Шувалова с тайным германо-австрийским договором 1879 года, по которому Германия обязывалась помочь Австро-Венгрии в случае нападения на нее России. Бисмарк безусловно стремился к тому, чтобы в договоре с Россией была исключена возможность нейтралитета Германии в случае нападения России на Австро-Венгрию. Шувалов пошел навстречу Бисмарку, найдя удачный контрход, состоявший в том, что Россия также не будет сохранять нейтралитет по отношению к Германии, если последняя нападет на Францию. В конечном итоге статья I договора была принята в следующей редакции: "В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложить все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции, в случае, если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из последних держав одной из высоких договаривающихся сторон". Статья второго договора была посвящена балканскому вопросу: "Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном статусе quo названного полуострова, не сговариваясь предварительно между собой, и противодействовать всякой могущей быть попытке к нарушению этого status quo или изменению его без их согласия". Статья третья повторяла соответствующую статью договора 1881 г. о закрытии проливов. По дополнительному протоколу Германия обещала оказать России содействие "в целях восстановления в Болгарии правильного и законного правительства". Одновременно Германия ругалась "не давать своего согласия на реставрацию принца Баттенбергского". В том же протоколе Германия брала на себя обязательство соблюдать нейтралитет и оказывать дипломатическую помощь России, если последняя будет вынуждена "принять на себя защиту входа в Черное море" для "сохранения ключа к своей империи". - Русско-германские отношения 1873-1914. - Красный архив. М., 1922, т.1, с.99, 101, 149, 151; История дипломатии. М., 1945, т.2, с.93-95.

44. К этому времени между Англией и Россией было подписано соглашение (июнь 1887 г.) по вопросам разграничения в Афганистане, что создавало предпосылки для решения иных вопросов, представляющих взаимный интерес, вплоть до заклю-

частью общего англо-русского договора, о возможности которого выступал Солсбери и зондировал почву Гирс. Однако на практике эта тема не вышла за рамки разговоров и пожеланий вследствие определенных противоречий в политике обеих держав.

В том же болгарском вопросе, как отмечал Солсбери, Англия не может позволить себе сближение с Россией.

В то же время существовали и общие точки соприкосновения как идея регентства и, соответственно, смена Кобурга. Однако само отсутствие разработанной кандидатуры, приемлемой для обеих сторон уже сводило к минимуму шансы на взаимодействие России и Англии.

Усилия Гирса представить политику России меняющейся в болгарском вопросе, что она ждет лишь публичного покаяния от болгар, дабы затем оставить их одних, как подчеркивалось им в беседе с послом Великобритании в Петербурге Робертом Морьером, в сущности не приводили к желаемому результату.

Трудность была и в том, что британский кабинет министров, признавая присвоение власти Кобургом противоречащим договорам, в то же время признавал законность его выборов, равно как и законность регентства и правительства.

Россия же, как известно, придерживалась позиции о незаконности не только Кобурга, но и правящих кругов Болгарии.

В дальнейшем позиция Великобритании по отношению к князю Фердинанду смягчилась. В Лондоне приходили к выводу, что отказ в поддержке Фердинанда лишь играет на руку русской политике в Болгарии. — Пантев А. Англия срещу Русия на Балканите 1879-1894. София. 1972, с.167; Jelavich V. *Russia, Britain and the Bulgarian Question 1885-1888* ... p. 180-182; Ramm A. *Sir Robert Morier. Envoy and Ambassador in the Age of Imperialism. 1876-1893*. Oxford. 1973, p. 247-248.

45. Однако на практике Петербург стремился выдвинуть генерала Эрнрота. В своих беседах с Морьером Гирс рисовал Эрнрота как "человека стальной воли", способного управлять таким политически деморализованным обществом как болгарское, являющегося отличным организатором и администратором, а также могущего справиться с панславистскими интригами. —

Jelavich V. *Russia, Britain and the Bulgarian Question* ...

р. 181.
46. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 34, л. 44-49. Н.К. Гирс — Александру III, 19 августа 1887.

47. Там же, д. 28, л. 154 и об., А.И. Нелидов — Н.К. Гирсу, 8/20 октября 1887.

48. Там же, л. 9, А.И. Нелидов — Н.К. Гирсу, 24 декабря 1887/5 января 1888.

49. История дипломатии ... с. 92-93; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923, с. 303-305; Clauton G. D. *Britain and Eastern Question* ... p. 182; Taylor R. *Lord Salisbury*. London, 1975, p. 137.

50. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 28, л. 125, А.И. Нелидов — Н.К. Гирсу, 22 октября/3 ноября 1887.

51. Там же, л. 10-11, А.И. Нелидов — Н.К. Гирсу, 24 декабря 1887/5 января 1888.

52. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2180, л.22, копия с рапорта военного агента в Константинополе подполковника Пешкова, 24 августа 1887.

53. Там же, л. 58-60, приложение к рапорту Пешкова на имя военного министра П.С.Ванновского, 19 сентября 1887.

54. Там же, л.24-26, Пешков - П.С.Ванновскому, 1 сентября 1887. Одновременно военный агент сообщал в Петербург весьма интересные сведения о том, что германские офицеры на турецкой службе уделяли львиную долю внимания именно организации военных сил в Анатолии на границе с Россией. Генерал фон дер Гольц, возглавлявший работу по реорганизации турецкой армии, неустанно доказывал султану Абдул-Гамиду и высшему военному командованию империи необходимость сосредоточения основной массы войск на Мало-Азиатском театре, чтобы в случае нужды напасть на Россию в ее наиболее слабом звене обороны. Ту же теорию генерал развивал гласно с кафедры высшей военной школы в Константинополе. - Там же, л.27 и об.

Эта информация еще раз указывала на опасность переоценки готовности Германии следовать вместе с Россией по болгарским делам, не говоря уже о все четче обнаруживавшемся противостоянии держав в этом регионе, доказательством чего служили Средиземноморские соглашения.

55. Там же, л.90 об. - 91 об., приложение к рапорту военного агента в Константинополе Пешкова военному министру П.С.Ванновскому от 4/16 декабря 1887. Постановление чрезвычайного заседания совета министров Высокой Порты от 22 ноября 1887. Утверждено султаном 28 ноября 1887.

56. Записки великого визиря Киамиль-паши. - Известия МИД, Петроград, 1916, кн. III, IV, с.160-164.

57. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2180, л.82-85 об., Пешков - П.С.Ванновскому, 16 декабря 1887; Порты была убеждена в неизбежности русско-австрийской войны вследствие острого кризиса в отношениях между Веной и Петербургом именно по болгарскому вопросу, где стороны занимали противоположные позиции.

58. АВПРИ, ф. ДДС и ХД, д. 83, л.1-4.

59. Там же, ф. Политархив, д. 2183, л.21 об. - 22, Н.Г.Гартвиг - А.Е.Влангали, 11 октября 1887.

60. Там же, л.30-34 об, 46-47 об., Н.Г.Гартвиг - А.Е. Влангали, 14 октября 1887.

61. Там же, л.34-35.

62. Там же, л.27 об.

63. Там же, л.28-29 об.

64. Там же, л.35-39.

65. Там же, л.40 и об.

66. Там же, л.48, помета Александра III на донесении А.И.Налидова - МИД, 15/27 октября 1887.

67. Там же, л.53 об.-56, Н.Г.Гартвиг - И.А.Зиновьеву, 19 октября 1887.

68. Грэнчаров С. Политические силы ... с.120-121.

69. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2183, л. 82 и об., Ю.С.Карпов - И.А.Зиновьеву, 17 ноября 1887.

70. Там же, л.104 об.-106, Н.Г.Гартвиг - И.А.Зиновьеву, 2 декабря 1887.

71. Там же, л.94-96, Н.Г.Гартвиг - И.А.Зиновьеву, 30 ноября 1887.

72. Там же, л.99 об.-100; Обещание сербской стороны проявить "снисходительность" к эмигрантам было подкреплено решением поездки в приграничный Пирот капитану Бахчеванову и готовностью дозволить поселение в Нише несколькими эмигрантами. - АВПРИ, ф. Политархив, д. 2183, л.97 об.-98, Н.Г.Гартвиг - И.А.Зиновьеву, 30 ноября 1887.

73. Там же, л.116, 118, И.А.Зиновьев - А.И.Нелидову, 18 декабря 1887.

74. Там же, л.124-126, Н.Г.Гартвиг - И.А.Зиновьеву, 18 января 1888.

75. Там же, л.128-129.

76. Там же, ф. Канцелярия, д. 25, т.1, л.22-23, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 18/30 января 1888.

77. Грѣнчаров С. Политическите сили .. с.140-141.

Глава II. В ЛАБИРИНТЕ КОМБИНАЦИЙ

Новая ситуация требовала от русской дипломатии каких-то иных подходов. Споры на заговор кучки эмигрантов не оправдывала себя. Приоритет получала комбинация, основанная на проведении переговорного процесса с Стамболовым по удалению князя при продолжении политики давления.

25 февраля Нелидов, поддержанный послами Германии и Франции, вручил Порте ноту, в которой требовалось объявить о незаконности выбора Кобурга¹. Порты, не желая осложнять отношений с Россией, пошла в определенной мере навстречу: 4 марта было сделано уведомление Софии².

Как представляется, оно должно было убедить болгарские круги в бесполезности попыток добиться признания законности существовавшего порядка в стране и склонить их к мысли о необходимости удаления Кобурга.

Тем временем внутривосточная обстановка в самой Болгарии оставляла желать лучшего. У правительства не было достаточной уверенности в поддержке армии и народа. Со страшиц "Тырновской конституции" шла жесткая критика правительства.

Заигрывание князя Фердинанда с офицерским корпусом не могло не внушать определенное беспокойство Стамболову. (Подтверждением его тревоги служил открывшийся весной процесс против одного из независимых настроенных

высших офицеров, близко стоявших к князю Фердинанду. Речь шла о майоре Попова, обвиненном^М в неких финансовых

нарушениях. Сам процесс, как пишет болгарский историк Грынчаров, был лишь средством устранения майора Попова из армии. Стамболов, ревниво относившийся к любому ущемлению своей власти, увидел в критике Поповым состояния армии некую интригу, направленную против его ставленника военного министра Муткурова. Стамболов подозревал, что князь Фердинанд хочет именно Попова назначить военным министром и таким способом лишить его — Стамболова — контроля над армией. Тревожили Стамболова и связи Попова с бывшими консерваторами, к которым принадлежали Начович и Стоилов. (Сама консервативная партия к этому времени уже сошла с политической сцены. — В.К.) Стамболов опасался, что интрига по занятию Поповым министерского кресла идет дальше и связана с формированием нового правительства, но уже без него³.) Внешнеполитическая обстановка — в условиях разрыва с Россией — для Болгарии также не могла трактоваться как удовлетворительная.

В этой ситуации — нележкой для страны и непростой для него лично — Стамболов принимает решение обратиться с письмом в МИД России. (Письмо и примыкающие к нему документы обнаружены автором в ф. К.Стоилова независимо от Н.С.Княпиной, которой принадлежит первенство в введении этих материалов в научный оборот, равно как и проведения соответствующего анализа и датировки документов, имеющих первостепенное значение. — В.К.)⁴.

Сображения, которыми руководствовался Стамболов, ясны не до конца, ^{нрав} учит его отношение к России. И тем не менее Стамболов, которого трудно заподозрить в политической экспансивности, шел навстречу Петербургу. Уже в первом пункте письма Стамболов, подчеркивая неприязнь к князю Фердинанду, равно как и масштабы своей власти, обещал выдворить монарха без какого-либо внешнего вмешательства и осложнений. Во втором пункте Стамболов пишет о созыве по его инициативе Великого Народного собрания, которое направит депутацию в Петербург с просьбой к царю назвать кандидата на болгарский престол. При этом он обещал, что "русский кандидат будет избран единогласно и таким образом восстановятся между нашими народами братские отношения". В третьем пункте

Стамболов указывал: "Новоизбранному князю я передам власть, а после того и сам добровольно отойду от нее". Четвертый и пятый пункты письма гласили: "Во избежание возможных смущений и междоусобных столкновений русское правительство должно задерживать в России временно главных болгарских военных и гражданских эмигрантов. За эту мою услугу я хочу от русского правительства, чтобы мне обещали личную нравственную и материальную гарантии, которые будут подкреплены материальными доказательствами"⁵.

Настоящее письмо Стамболова от 25 февраля 1888 г. было — как можно предположить — встречено на Певческом мосту с новыми надеждами на разрешение болгарского вопроса.

12 марта Зиновьев составляет ответ, выдержанный в весьма доброжелательном тоне. Представленный им в письме проект урегулирования отношений почти полностью соответствовал условиям, выдвигавшимся Стамболовым.

В нем содержались следующие пункты: удаление князя Фердинанда, отправка депутации в Петербург для обсуждения вопроса о будущем кандидате на престол, где болгарам не будут ставиться "сколь угодно стеснительные условия", созыв Великого Народного собрания для избрания нового монарха будет зависеть от болгарского правительства, в которое могут войти все те, кто "готов будет отказаться от минувших заблуждений", в том числе и Стамболов. Там же подчеркивалось, что, решая воздержаться в будущем от вмешательства в болгарские дела, императорское правительство предоставляет болгарам самим решить вопрос об эмиграции⁶.

Казалось, основа для переговоров была налицо. Однако они не состоялись. В чем же была причина?

Здесь можно солидаризоваться с мнением (см. о нем в статье Киняпиной) болгарского исследователя В. Велчева о том, что срыв переговоров был обусловлен отказом русской стороны в предоставлении Стамболову требуемых им денег для организации заговора⁷.

Предложение Стамболова о выдаче ему вперед определенных денежных сумм, вероятно, рассматривалось и считалось неприемлемым для Петербурга, не желавшего связывать

себя фиксированными финансовыми обязательствами в условиях, когда новый князь мог оказаться марионеткой в руках очередного правительства, не внушающего доверия русской дипломатии.

Тем не менее это предположение остается актуальным, ибо каких-либо документов, объясняющих причину неудачи с переговорами, до сих пор не найдено.

Очевидно лишь одно: Стамболов отказывается от прямого выхода на Петербург и на время от попыток по установлению твердой связи с МИД России, где он натолкнулся на щепетильность русской дипломатии.

Но в то же время посольство в Константинополе вплоть до весны 1889 г. продолжало слать информацию о желании Стамболова к примирению с Россией.

Задержка же его действий по свержению князя Фердинанда объяснялась такими причинами, как неуверенность в армии, где его конкурентом за влияние в ней выступал Кобург, нежелание Петербурга назвать своего кандидата на престол⁸.

Однако Александра III подобная информация, надо думать, мало интересовала: его позиция была изложена в заявлении от 11 февраля.

Здесь же следует заметить, что в Петербурге не только ждали, но и обсуждали различные пути по удалению "узурпатора" и выборам нового монарха. Однако все эти проекты и кандидатуры на болгарский престол были весьма спорными⁹.

Как понятна — хотя и с трудом — тактика русской дипломатии, так и объяснима она у Стамболова. Будучи незаурядным политиком, он не мог не понимать всей опасности создавшегося вакуума в отношениях между Болгарией и Россией. Соответственно, Стамболов не мог не желать его ликвидации, но на определенных условиях.

Фактический же отказ от предварительных переговоров отнюдь не расхолаживал Стамболова. И в то же время заставлял его быть предельно настороженным к России, чья мощь была хорошо известна, а призрак "Задунайской губернии" не исчезал из политического обихода.

Так, Стамболов на запрос одного из членов оппозиции о

реальности урегулирования болгаро-русских отношений отвечал чисто риторическим вопросом: "желают ли они возвращения русских министров, офицеров и чиновников в замену выработавшегося болгарского личного состава?". Получив такой же риторический ответ, Стамболов доказывал необходимость и далее терпеть известное отношение России к Болгарии до тех пор, пока Петербург не изменит своих требований¹⁰.

Более того, одну из возможностей прорыва к независимому государственному бытию Стамболов соотносил с Австро-Венгрией и ее войной с Россией. Именно тогда Болгария, как подчеркивал Стамболов, не преминет воспользоваться этой войной, чтобы объявить свою независимость и провозгласить князя Фердинанда королем¹¹.

Осенью 1889 года в Софии по инициативе Стамболова и князя Фердинанда было проведено военное совещание по вопросу определения позиции Болгарии в случае австро-русского столкновения. На нем были выявлены полярные точки зрения. Так, если будущий военный министр княжества Р.Петров доказывал необходимость сближения с Австро-Венгрией, то многие из присутствовавших поддержали выступление одного из полковых командиров, который прямо заявил, что "Болгария ... никакого участия принимать не должна, а если уже ей представится необходимость к кому-нибудь примкнуть, то, зная настроение войска, он заявляет, что оно против России никогда драться не станет"¹².

Голос армии осложнял проблему предполагавшегося союза с Австро-Венгрией. Более того, сам Стамболов не мог не понимать, что шансы и надежды на войну как средство достижения известной цели были весьма неопределенными.

В поисках комбинации, способной принести успех, вассальное государство с непризнанным князем решило обратить свои взоры на Турцию, пугая ее объявлением своей независимости в случае отказа в официальном признании князя Фердинанда.

Иными словами, авантюрный прием Болгарии был основан на страхе Константинополя перед любыми политическими осложнениями, которые могли втянуть Турцию в войну.

Расчет Софии, казалось, оправдывал себя. Встревоженная

Порта провела ряд чрезвычайных совещаний и была готова уступить, но не могла, как и прежде, решиться на самостоятельную акцию.

Турецкое правительство с Абдул-Гамидом II предприняло ряд попыток склонить русскую дипломатию к совместному признанию законности пребывания князя Фердинанда на престоле. Абдул-Гамид II, объясняя Нелидову всю вынужденность предполагавшейся акции, обуславливал ее интересами европейского мира и стремился уговорить российского посла пойти во имя спокойствия в Европе на очередную жертву. Однако Нелидов был непреклонен, заявляя, что угождая "честолюбцам" в Софии и Австро-Венгрии (в тексте - "иностранная держава" - В.К.), поставившим Кобурга в Болгарию, Абдул-Гамид забывает, что "Россия есть самая близкая и мощная соседка Турции". После столь недвусмысленной угрозы Нелидов теперь уже "по-дружески" уверял султана, что уступка болгарам отнюдь не прекратит дальнейших притязаний, а наоборот, вызовет их рост: требование независимости, присоединение Македонии, а также территориальные претензии со стороны соседних с Османской империей стран. В конечном итоге, как заключал российский дипломат, эта уступка явится толчком к "окончательному разложению Турции"¹³.

Эта успешная политика запугивания - имевшая, надо добавить, определенные основания - заставила уступить Абдул-Гамида II и заявить еще раз об отказе в признании Кобурга.

Тактика Нелидова получила полное одобрение в Петербурге: Гирс предписывал ему воздействовать на султана в том же направлении. Глава МИД рекомендовал российскому послу в Константинополе обратить внимание султана, что признание князя Фердинанда несовместимо с международными постановлениями, на которых основано и существование Оттоманской империи¹⁴.

В этой ситуации болгарская комбинация теряла шансы на успех, хотя и не была окончательно списана Софией в архив.

Известия об успешных действиях Нелидова шли параллельно с информацией о чрезвычайно слабом положении князя Фердинанда и его правительства.

Эти сведения из Белграда связывались и основывались на

мнениях Цанкова и князя Долгорукова, побывавшего в Софии после "загадочного" отъезда осенью 1889 года князя Фердинанда из Болгарии¹⁵.

Так, Цанков, характеризуя отбытие Кобурга как бегство, поспешил из эмиграции обратиться к Стамболову с призывом отречься от князя и сблизиться с Россией на базе заявления императорского правительства от 11 февраля 1888 года. Убежденность Цанкова в шаткости положения в Болгарии подтверждалась и впечатлениями путешествовавшего корнета Долгорукова. Последний во время встречи с А.И.Персиани – главой российского дипломатического представительства в Белграде – подчеркивал, что во время его незапланированной беседы с болгарскими офицерами было высказано мнение, что "стоит России лишь слово сказать и переворот может быть сделан в 24 часа". Долгоруков обрисовал русскому дипломату и свой визит к Стамболову и Странскому, сделанный из вежливости или, вернее, из предосторожности, чтобы не быть потом обвиненным в какой-либо подстрекательской деятельности. Князю Долгорукову было заявлено о желании сближения с Россией, но, как подчеркивалось, на новых условиях. В частности, они были настроены резко против допуска русских офицеров в болгарскую армию. Закрывая свою информацию о впечатлениях Цанкова и Долгорукова, Персиани подчеркивал их уверенность в том, что "смелому человеку стоит лишь явиться и переворот осуществится"¹⁶.

Однако точка зрения Цанкова, находившегося в эмиграции, равно как и мнение туриста Долгорукова не заинтересовали, судя по отсутствию каких-либо помет на донесении Персиани, Петербург.

На Певческом мосту были обеспокоены сведениями иного – экономического – характера.

Так, узнав о достижении в том же 1889 году договоренности болгарского правительства с венскими торговыми домами о заключении 30 млн. займа, российское правительство поспешило обратиться с циркулярной нотой к представителям великих держав о незаконности подобной сделки, отчуждающей денежные средства княжества в ущерб правам России, т.е. нару-

шающей долговое обязательство Болгарии перед Россией, зафиксированное в ст. 22 Берлинского трактата и русско-болгарской конвенции 1883 года¹⁷. Параллельно Петербург обратился в Берлин с просьбой предъявить княжеству требование об уплате недоимок по долгу до 1 января 1890 года на сумму в 3 600 000 рублей. Через несколько месяцев указанные деньги были выплачены русской стороне Болгарским Народным банком по настоянию германского представителя в Софии¹⁸.

Болгарские денежные обязательства были ликвидированы, но сам факт венского займа должен был тревожить русскую дипломатию, видевшую в нем, вне сомнения, определенное утверждение княжества с его режимом на международной арене.

Именно тревогой можно объяснить и резкий протест России в связи с заключением в конце 1889 г. англо-болгарской торгово-таможенной конвенции, переговоры о которой начались еще в 1888 г. Однако демарш русской дипломатии не имел успеха вследствие признания Портой законности заключенной конвенции. В данном случае позиция турецкой стороны была обусловлена активными действиями английской дипломатии, сумевшей переиграть своих соперников¹⁹.

Рушились и заверения того же Цанкова о кризисе власти в княжестве в связи с возвращением князя Фердинанда из путешествия по Европе.

Болгарские дела не могли не привлекать внимания русской прессы с ее банальными напатками и обвинениями в адрес софийских правителей.

Резким диссонансом в этом хоре голосов прозвучало выступление Татищева. В декабрьском номере "Русского вестника" за 1889 год он писал: "России следует прервать всякие сношения с болгарскими выходцами, устранить посредничество их между нами и людьми, которые находятся у власти и которые удержав ее в продолжении трех лет, доказали, что они не самозванцы, не лжеправители, как принято называть их у нас, а действительные - хорошие или дурные - это другой вопрос - политические вожди и руководители болгарского народа"²⁰.

Выступая за переговоры с правительством Стамболова, Татищев - будучи убежденным "материалистом" в политике - вкла-

дивал в них особый смысл.

Это наглядно проявилось во время его во многом загадочной летней поездки в Софию в 1890 году. Судя по депеше Стамболова к дипломатическому агенту в Константинополе Выховичу, Татищев, представляясь болгарским министрам как посланец Александра III (!), заявлял о готовности России признать не только князя Фердинанда, но и независимость Болгарии в пределах, означенных Сан-Стефанским договором! Взамен Россия — по Татищеву — требовала прочных гарантий: приглашение русских офицеров для командования болгарской армией, занятие Бургаса Черноморским флотом. Когда же Стамболов потребовал какого-либо документа, удостоверяющего его полномочия царского представителя, Татищев заявил об отсутствии у него такового. При этом было подчеркнуто Татищевым, что если в Петербурге будут уверены в склонности болгарской стороны к соглашению, то он или другое лицо, снабженное соответствующими бумагами, прибудет в Софию для заключения требуемого договора. Но все старания "дипломата-материалиста" потерпели неудачу: Стамболов решительно отказался от примирения на такой основе. Болгарский историк Панайотов, приводя эту информацию Стамболова, думается, прав, когда говорит о том, что Татищев не был и не мог быть посланцем Александра III или Гирса. Вероятно, как замечает тот же Панайотов, ^{таких} собеседник Стамболова действовал с согласия или по внушению высших чиновников МИД, как Ламздорф и Зиновьев²¹.

Но здесь возможен и другой вариант, что Татищев в данном случае выступал не как неофициальный посланец МИД, а в качестве доверенного лица того же Обручева, т.е. военного министерства, где не отказывались от идеи захвата Константинополя и проливов²².

В сущности, весь этот небольшой эпизод показывает, до какой степени доходил разброс проектов решения болгарского вопроса.

Возвращаясь к теме страха как инструмента политики, следует отметить, что известные угрозы как с болгарской, так и с русской стороны в адрес Порты могли сыграть стабилизирующую роль.

Так, опасавшийся все еще провозглашения Болгарией независимости без санкции Порты, Киамиль-паша через Нелидова вступил в переговоры с МИД. Одновременно или несколько ранее он — как можно предполагать из дальнейшего — вошел в контакт со Стамболовым. Великий везир передавал в Петербург, что если Россия и Турция смогут договориться о назначении другого князя и представить "это избрание самим болгарам, упрощая избирательные формальности, то нынешнее правительство, может быть, согласится отказаться от принца Фердинанда, который понял бы сам, что ему нечего больше ждать". Руководство МИД с ведома императора незамедлительно дало свое согласие. Более того, МИД обещал Порте великодушно не брать на себя инициативу по выдвижению какой-либо определенной кандидатуры. (Здесь надо полагать, что императорское правительство выдвинуло бы несколько лиц для болгарского трона. Следовательно, подчеркиваемое великодушие было лишь незамысловатым маневром для успокоения Софии. — В.К.) МИД лишь выразил еще раз свою решимость не потерпеть реставрации Александра Баттенберга, равно как и кандидата католического вероисповедания. (Судя по помете Александра III на проекте депеши в Константинополь, император желал видеть на болгарском престоле православного, в крайнем случае лютеранина.) Царь был согласен и на использование Стамболова для удаления князя, о чем просил Киамиль-паша. (Александр III здесь больше доверял турецкой стороне, нежели в свое время Стамболову, прямо предлагавшему свою непосредственную помощь в деле удаления Фердинанда. — В.К.) Однако начавшиеся в феврале 1890 года переговоры были и здесь заторможены в связи с отставкой Бисмарка. И в Константинополе и в Софии медлили с продолжением начатого дела вследствие неопределенности политической ситуации в Европе, создавшейся после ухода "железного канцлера"²³. В расстройстве переговоров сыграл свою негативную роль и известный заговор Паницы в начале того же 1890 г.²⁴

История этого заговора весьма интересна в плане контактов заговорщиков с русскими дипломатами.

Вначале несколько слов о руководителе заговора. Майор Коста Паница входил в круг друзей Стамболова. В сербско-

болгарской войне — командир македонской добровольческой дружины. Будучи председателем македонской организации по освобождению Македонии, рассчитывал на поддержку России. После раскрытия заговора Паница заявил на суде, что как болгарский патриот он стремился обеспечить помощь России для дела освобождения Македонии и объединения всего македонского народа. Достижение этой цели шло через устранение неприятного России князя Фердинанда. Паница был приговорен судом к смерти с правом ходатайства о помиловании, но не воспользовался им. Расстрелян 29 июня 1890 года²⁵.

Еще в 1887 году Паница вел переговоры с секретарем русской дипломатической миссии в Бухаресте Вилламовым об организации свержения Кобурга. Судя по архивным материалам, от России требовалась традиционная помощь — оружие, деньги, покровительство. Однако в Петербурге довольно холодно отнеслись к предприятию Паницы. Так, в апреле 1887 года Гирс получил замечание от Александра III за некоторую неопределенность выражений, в которых Вилламову предписывалось воздержаться от участия в болгарской акции²⁶.

Эта сдержанность вполне объяснима после неудачи с восстанием в феврале того же года. Тем не менее М.А.Хитрово, руководивший миссией в Бухаресте, не стремился к решительному разрыву контактов с заговорщиками. В конце 1887 года Вилламов был ознакомлен с планом Паницы по урегулированию русско-болгарских отношений. Основные его пункты сводились к следующему: а) после удаления князя Фердинанда в стране создается коалиционное правительство, б) новый кабинет министров дает свое согласие на прием русского комиссара из числа военных, но только не Н.В.Каульбарса, в) под руководством комиссара проводятся выборы в Великое Народное собрание, которое и изберет князя из кандидатов России, г) Александр Баттенберг не будет исключен из списка лиц, предлагаемых на болгарский трон, д) военный министр будет назначаться из русских офицеров, им же будет доверено командование бригадами, остальные посты занимались бы только болгарами. В конце предлагаемого проекта Паница просил о помощи в деле присоединения Македонии к Болгарии²⁷.

Этот проект получил самую уничтожающую оценку в Петербурге. Однако сам источник, где содержалась критика плана Паницы (депеша И.А.Зиновьева к М.А.Хитрову, декабрь 1887 года), опубликованный в "Авантюрах русского царизма в Болгарии", внушает определенные сомнения в его достоверности не только из-за оскорбительности критики, но и вследствие некоторых положений, не соответствующих содержанию других материалов дипломатической переписки по организации свержения Кобурга²⁸.

Одно было несомненным: ратуя в болгарском вопросе за букву Берлинского трактата, российское правительство не могло пойти на такой риск как поощрение восстания в Македонии деньгами и оружием, о чем просил Паница.

События, связанные с разгромом отряда Набокова, поиски выхода из затруднительного положения средствами явной и тайной дипломатии — все это заслонило на время имя Паницы в документах русской дипломатии. Вновь оно всплывает, как уже говорилось, в 1890 году. В одном из августовских донесений чиновника МИД в Одессе А.Ростковского к Зиновьеву говорилось, что Паница и его сподвижник из бывших русских офицеров поручик в отставке П.А.Колобков просили руководство МИД о "немедленной присылке по совершении переворота генерала Домонтовича, а также о восстановлении дипломатических отношений с Болгарией"²⁹.

В этой обстановке, требующей в очередной раз безотлагательных решений, Петербург принял следующий план: через М.И.Якобсона Колобкову было передано согласие МИД "на присылку ген. Домонтовича, а что сам Домонтович просил уведомить его заблаговременно, так как он готов на свой страх и риск приехать в Белград за несколько дней до предполагаемого переворота и ожидать там результата, с тем чтобы в случае удачи немедленно стать во главе болгарской армии"³⁰.

Подобная комбинация внешне выглядела весьма благоприспособленной и не могла вызвать особых формальных придирок со стороны великих держав.

Провал заговора, раскрытого в результате предательства одного из его участников, был еще одним ударом для русской

дипломатии, все еще питавшей надежды на свержение Кобурга путем военного переворота.

Сама же организационная база заговорщиков опять сосредотачивалась вне пределов княжества и состояла из нескольких десятков человек, строивших планы революции в Болгарии.

В этой ситуации Россия, опасаясь быть уличенной в связи с деятельностью заговорщиков, предпочитала вести себя чрезвычайно осторожно, дабы у Лондона и Вены не возникало очевидного повода для обвинений в поддержке заговорщиков и террористов.

Так, например, в ответ на сообщения о планах комитета "Освобождение Болгарии"³¹ и слухи о готовящихся революционных акциях болгар Тирс в секретной телеграмме, направленной в российские дипломатические миссии в Бухаресте и Белграде, требовал от дипломатов не оказывать заговорщикам ни под каким видом "сочувствия или содействия"³².

Подобное шараханье и жесткость по отношению к своим фактическим союзникам в действительности не означали все же отказа в помощи болгарам. Русская дипломатия материально помогала эмигрантам и в отдельных случаях продолжала оказывать поддержку заговорщикам.

Отсутствие сильной оппозиции, способной в корне изменить соотношение политических сил в Болгарии, утяжеляло задачу российской дипломатии, продолжавшей тем временем искать решение путем переговоров с Константинополем и Софией.

Остроту проблеме придавала было отошедшая на второй план болгарская комбинация с идеей провозглашения независимости.

Все повторялось: Стамболов через дипломатического представителя княжества Вылковича страдал Киамиль-пашу выходом из состава Османской империи, тем же занимался министр юстиции Д.Тончев³³ в апреле 1890 года во время своего визита в Константинополь.

В потоке самоуверенных и риторических высказываний болгарского министра о поддержке Вены и Лондона в вопросе об узаконении положения на троне князя Фердинанда, о нежелании

"быть рабами России", мелькнула и фраза о том, что в грядущей войне "или западные державы вознаградят Болгарию за понесенные ею жертвы, или Россия постарается купить ее содействие за дорогую цену. И в том и в другом случае княжество останется в выигрыше"³⁴. (Первая мировая война подтверждала прогноз Тончева. Россия была готова удовлетворить весьма обширные территориальные претензии Болгарии в Македонии, Добрудже, а также пойти на передачу Каваллы, Солуня, Адрианополя)³⁵.

Однако в той ситуации старания Тончева были тщетны. Ни одна из стран-участниц Берлинского договора не хотела, повторяясь, идти на нарушение трактата. Здесь можно было наблюдать лишь небольшой нюанс, заключавшийся в том, что та же Вена, не желая брать на себя инициативу официального признания князя Фердинанда, усиленно — как и ранее — подталкивала к этому акту Константинополь, обещая оружие, деньги, союз³⁶. Но здесь на Порту с неменьшей энергией давил Нелидов, к чьим советам-угрозам она не могла не прислушаться.

В то же время было бы неверным утверждать о каком-либо послушании Константинополя России. Так, уступка Порты в деле назначения болгарских епископов в Скопскую и Охридскую епархии в Македонии отмечает мысль о всемогуществе Нелидова в Константинополе и, соответственно, податливости Порты ко всем его советам.

В этом весьма смелом шаге навстречу болгарской стороне можно увидеть многое: демонстрацию России своей заинтересованности в сохранении существующего порядка вещей в Болгарии, показ благосклонности по отношению к той же Софии в разрешении вопроса, не зависящего от великих держав, подчеркивание для княжества всей нежелательности конфликта с империей, от которой во многом зависит распространение болгарской или греческой, или сербской пропаганды в Македонии.

Не имея возможности расстроить турецкую акцию, МИД все же уполномочил Нелидова заявить Порте, что в России считают "неуместной и нелогичной с интересами Порты уступку дерзким требованиям Стамболова"³⁷.

Вместе с заявлением русский дипломат, обращая внимание

Порты на необходимость нейтрального отношения к народам Македонии, подчеркивал: "В разыгрывающейся там пред нами этнографической борьбе проявляется историческое движение, которое следует предоставить его собственному течению. Пусть само население разберется, кто какой народности составляет часть. Предоставьте каждой из них свободу заявлять свои права на принадлежность к тому или другому племени и требуйте от них только равномерного и мирного подчинения вашей власти. Пристрастным же отношением к делу вы только обострите борьбу и можете вызвать даже волнение"³⁸.

Частный успех Софии не влиял на разрешение болгарского вопроса, а лишь осложнял его урегулирование. Тем не менее в 1891 году появились вновь признаки решения этой проблемы на русской базе, вернее, на основе договоренности со Стамболовым.

Безусловно, особых надежд на успех переговоров не было, но много выхода с каким-либо конкретным планом урегулирования русско-болгарских отношений в Петербурге не видели. В здании МИД на Певческом мосту лишь слышали разговоры о том, что "Россия не может дуться бесконечно". Автор этой фразы Зиновьев в беседе с Ламздорфом подчеркивал необходимость поиска "какой-нибудь увертки, благодаря которой мы могли бы, не поступаясь слишком нашим достоинством, признать Фердинанда Кобургского и возобновить с княжеством нормальные отношения"³⁹.

Однако пока у кормила политики находился император Александр III, все эти признания годились лишь для того, чтобы отложиться в воспоминаниях того же Ламздорфа.

Именно поэтому оставалась старой, почти бесперспективная надежда на Стамболова. В его ухудшившихся отношениях с Кобургом русская дипломатия увидела шанс для свержения князя⁴⁰.

Мартовское покушение на Стамболова, вероятно, только утвердило его в решении начать новый цикл переговоров с Россией через посредничество экзарха Иосифа, чьим доверенным лицом в Софии был архимандрит Мефодий. Возможно, что начиная переговоры, Стамболов не только предполагал в слу-

чае успеха избавиться от князя, начинавшего выходить из отведенной ему декоративной роли, но и обезопасить себя от покушений заговорщиков, чьи действия он должен был связывать с Россией как покровительницей его врагов.

Переговоры велись как всегда трудно. Стамболов находил явно недостаточными устные заверения Нелидова о нежелании Александра III навязывать княжеству своего кандидата на болгарский трон и внедрять там русское управление. Стамболову было необходимо письменное заявление императора, которое могло быть прочитано в Софии его специальным посланцем. Болгарский премьер-министр не без известной доли иронии подчеркивал при этом проявляющуюся иногда существенную разницу между волей русского царя и изъяснением ее смысла дипломатами императора. (Эта недоверчивость Стамболова к устным обещаниям российского монарха в свою очередь вызвала сильнейшее подозрение у Нелидова о намерении болгарского лидера скомпрометировать — имея подписанный Александром III документ — Россию и упрочить свое положение в княжестве. Отношение же самого императора к требованию Стамболова видно из его лапидарной пометы на депеше Нелидова: "Этакий прохвост!"). Стамболов настаивал также и на объявлении ему имени кандидата на трон прежде, чем будет удален Кобург. Одновременно Стамболов не выказывал никакого желания брать под свою личную ответственность посылку в Петербург своего доверенного лица, что было одной из тем переговоров. Глава российского посольства в Константинополе в позиции Стамболова видел лишь одно — выторговать какие-либо выгоды, не связывая себя лично. Совершенно иное мнение было у Ламздорфа. Он подмечал, что выдвигаемые Стамболовым условия диктуются его опасениями, которые сводятся к следующему: а) Россия не допустит выборов князя, б) Россия постарается из княжества сотворить "своего рода генерал-губернаторство, чтобы самой распорядиться внутренними делами страны". Стамболов, как подчеркивал далее Ламздорф, "хотел бы иметь уверенность, что не будет сделано никакого покушения на независимость княжества и что мы не помешаем закономерному и

быстрому приходу к власти нового князя"⁴¹.

Итак, каждая из сторон желала обеспечить себе твердые гарантии и не хотела первой начинать требуемые от нее конкретные действия: русская дипломатия считала ниже своего достоинства связывать себя конкретными — и в письменной форме — обязательствами, Стамболов же, не получая этих гарантий, опасался стать игрушкой в руках России. Переговоры и на этот раз закончились без каких-либо результатов.

Крах переговоров отнюдь не означал длительного затишья. Очередной всплеск теперь уже защитной активности русской дипломатии был связан с террористической деятельностью болгарских эмигрантов, находивших покровительство у России. (Распоряжение МИД об отказе в помощи заговорщикам осталось "мертвой фразой". Эмигранты могли вполне рассчитывать на определенную защиту, что подтверждает случай с Ризовым и Ноjarовым, обвиненны^{ми} Софией в участии в убийстве министра финансов Белчева. Вследствие заступничества российской дипломатической миссии в Бухаресте румынские власти отказали в выдаче их болгарской стороне и разрешили свободно покинуть пределы королевства.)⁴²

В среде эмиграции появилась новая группа "активных деятелей", состоящая не только из людей, обладавших определенной политической программой, сколько из лиц, "дышавших личной мстостью за убитых или замученных пытками"⁴³.

Однако какого-либо единства среди "активных деятелей", раздраемых к тому же спорами и подозрениями по вопросам финансового характера, не наблюдалось⁴⁴.

Тем не менее ни споры, ни слабая их организованность, ни разделенность эмигрантов на группы не являлись теми препятствиями, которые могли бы помешать их террористической деятельности.

В феврале 1892 года в Константинополе был убит представитель Болгарии Вылкович. Исполнителями теракта были прибывшие из Одессы Орловский и Дражев, действовавшие по поручению Н.Тюфякчиева, брат которого был замучен в тюрьме, известной под названием "Черная Джамия"⁴⁵.

В деле об убийстве болгарского дипломата было замешано

по меньшей мере еще три человека, но никто не был задержан⁴⁶.

Безусловно, здесь потрудились посольство России в Константинополе. Оно обеспечило как возвращение в Одессу Орловского и Дражева, так и настояло на их задержании там вместе с Тюфякчиевым⁴⁷.

Было бы нелепым подозревать какое-либо участие Нелидова в террористическом акте. Меры же предосторожности, предпринятые им по переброске Орловского и Дражева в Россию, равно как и советы его о срочном аресте заговорщиков при соблюдении строжайшей тайны следует оценивать однозначно. Русская дипломатия не могла допустить ареста террористов на турецкой территории и компрометации России как своеобразного рассадника терроризма.

Вследствие этого не стоит заблуждаться относительно причин ареста 24 февраля Тюфякчиева и ссылки его 29 февраля в Симбирск под фамилией Ф.А.Афанасьева⁴⁸.

Такая же судьба была уготована и Орловскому с Дражевым. После недолгих розысков Дражев 19 марта был арестован в Евпатории и 25 марта отправлен в Вятку с документами на имя обер-офицерского сына И.С.Николаева под надзор полиции⁴⁹. Орловский был задержан в Харькове в конце марта и 1 апреля состоялась его высылка под именем дворянина Т.П.Чернова в Вятскую губернию. Департамент полиции гарантировал принять все меры для того, чтобы он не мог связываться с Дражевым⁵⁰.

Высылка во внутренние губернии спасла честь русской дипломатии и жизнь самим заговорщикам⁵¹.

Убийство болгарского представителя – несмотря на все принятые меры предосторожности – вызвало очередную волну газетных нападок на Россию, императора Александра III и его семью, на русское посольство в Константинополе, обвинявшее в подстрекательстве к убийствам.

Особенно отличалась своим ярко выраженным русофобством проправительственная газета "Свобода". В связи с рядом бедствий, обрушившихся на Россию в 1892 году, на ее страницах допускались и такие фразы, как: "в прошлом году – голод, в этом – холера, в следующем – дай Бог и чуму в Россию!"⁵². В прессе встречались, как уже говорилось, и выпады против

императора и его семьи. В воспоминаниях английского дипломата Е. Пирса есть объяснение этой газетной травли. Так, в ответ на реплику Пирса о неблагоприятности подобной кампании в печати, Стамболов резко отвечал, что, имея дело с Россией, нужно держать в руках дубину, которой следует наносить удары везде и повсюду⁵³.

Но все это отнюдь не мешало новому дипломатическому представителю Болгарии в Константинополе П. Димитрову⁵⁴ встретиться с Нелидовым и зондировать почву для примирения.

Надо полагать, что подобный шаг был вызван прежде всего опасениями Софии перед новыми террористическими актами, чьими жертвами могли стать как Стамболов, так и князь Фердинанд. Но попытка Димитрова оказалась напрасной: Нелидов твердо повторил болгарскому дипломату, что Россия никогда не согласится с пребыванием на престоле австрийского ставленника и католика по вероисповеданию⁵⁵.

Тем самым не исключалась возможность повторения террористических акций.

Как и прежде, все, что могло послужить укреплению болгарского правительства и князя Фердинанда, вызывало соответствующие шаги русской дипломатии.

Так, турецкая сторона была фактически принуждена принести свои извинения Петербургу в связи с 15-минутным приемом летом 1892 года Абдул-Гамидом II Стамболова, подчеркнув свою готовность не наруш^{ать} постановления Берлинского трактата⁵⁶.

Но это было мелочью по сравнению с намерением Стамболова изменить 38 ст. конституции; по которой болгарский престолонаследник должен был быть православного вероисповедания. Смысл и цель предполагавшегося изменения были ясны: попытки покушений на князя Фердинанда могли сделаться бессмысленными после его женитьбы и появления потомства, обеспечивающего продолжение династии Кобургов и, соответственно, ее упрочение на болгарском троне. Дальше: реализация этого замысла давала больший простор для признания князя Фердинанда какой-либо малой или великой державой, что еще более утяжеляло бы политику России в болгарских делах.

Срыв очередной комбинации был не по плечу Нелидову. Несмотря на все его старания, султан отказался воздействовать на Стамболова якобы из-за того, что изменение конституции является внутренним делом княжества. Фактически, Абдул-Гамид II и его правительство, как представляется, не упустили и здесь возможности продемонстрировать свою независимость.

Русской дипломатии оставалось лишь тешить себя надеждой, что при любом исходе задуманное Стамболовым предприятие будет ошибкой. В случае успеха — полагал тот же Нелидов — в народе "останется закваска глубокого неудовлетворения и долгих затруднений". Неудача же, как продолжал свою мысль русский посол в Константинополе, приведет к ослаблению власти Стамболова⁵⁷.

Признаки такого ослабления Нелидов видел уже в резком выступлении ^{таких} старых соратников, как Стоилов и Начович, которые были против изменения конституции. В частности, Стоилов подчеркивал, что утверждение католической династии в княжестве лиши ^т Болгарию окончательной возможности примирения с Россией⁵⁸.

Однако этот кочующий тезис о необходимости восстановления болгаро-русских отношений имел второстепенное значение в "соединенной оппозиции", объединившей в своих рядах легальных противников политики Стамболова. В центре внимания был конституционный вопрос, чье разрешение даже в пользу оппозиции совершенно не гарантировало удаления князя. В конечном итоге следует сказать, что в той ситуации, когда сам болгарский народ не проявлял особой заинтересованности в вопросе вероисповедания наследника престола, победа Стамболова была заранее обеспечена⁵⁹.

Своеобразным ответом русской дипломатии на изменение 38 ст. конституции и ^{треб} же князя Фердинанда на княжне Марии-Луизе Пармской был запрет султана Абдул-Гамида II на проезд молодой четы через Константинополь по возвращении из Вены в Болгарию. Поставленный перед угрозой въезда Нелидова из турецкой столицы, Абдул-Гамид II был вынужден предпринять эту стеснительную меру и уступить здесь требованию главы русско-го императорского посольства⁶⁰.

Жесткость Нелидова проявлялась и в отношении к самой "соединенной оппозиции", в контактах с которой он, казалось, должен был быть заинтересован. Так, посол пресек в самом начале робкие попытки ее видных деятелей — Радославова и Странского — по установлению связи через третьих лиц. Позиция Нелидова была обусловлена его недоверием к болгарским оппозиционерам, не изъявлявшим желания включать в будущее правительство — в случае их победы — Цанкова и его приверженцев, а также отклонявших любое содействие офицеров, состоявших на русской службе⁶¹.

Подобная сверхходительность была в духе дипломатии Александра III, уверенного в том, что рано или поздно его политика принесет нужные плоды.

Но существовала и другая позиция, вернее, мнение по болгарскому вопросу. Оно принадлежало Ламздорфу. Как и Зиновьев, он недоумевал перед настойчивостью своего монарха разделиться со столь "незначительной фигурой, как Фердинанд Кобургский". В своем дневнике от 18 апреля 1892 года Ламздорф записывал: "Нам лишь следовало в свое время протестовать против принципиальной неправомерности его прихода к власти. Разве нам не прямой расчет как-нибудь урегулировать и узаконить этот совершившийся факт? Кобурга опасались главным образом как католика; в общем, мы ни в чем не можем упрекнуть этого незначительного князька, очень спокойного, безвредного и достаточно богатого, чтобы не просить у нас денег. Надо признать, что католическая пропаганда ничем не сказалась в Болгарии, что впрочем, болгары вообще очень безразличны к религиозным вопросам и поддались бы ей очень туго. Все, чего они хотят, — это чтобы им дали возможность мирно существовать, обогащаться и заниматься своими материальными интересами. Раз это так, чем нам может помешать Кобург, который, будучи нами признан, вероятно отделается от Стамболова и лишится главного основания для поддержки его другими державами. Мы должны лишь настаивать на постановлении о православном наследнике на основании тырновского статута и выбрать серьезно, тонкого и настойчивого представителя, чтобы потихоньку возобновить с Софией нормальные отношения"⁶².

Эта обширная выдержка не требует каких-либо особых комментариев за исключением двух моментов.

Первый относится к несколько небрежной характеристике болгарского народа. У бывшего посланника в Софии А.А.Савинского она представляется на мой взгляд более емкой и точной. В одной из своих записок в МИД, относящихся ко времени I мировой войны, он указывал, что "Среди балканских государств и народностей Болгария в силу природных свойств и качеств населения - честолюбия, энергии, живучести, твердости, экономики, желания и способности совершенствоваться, а также благодаря богатству и плодородию почвы - является в этом отношении особенно опасной"⁶³.

Именно эти черты - энергия, политическая живучесть - "забывались" Александром III с его стремлением удалить "узурпатора" болгарского престола.

И второй момент. Размышления Ламздорфа не могли иметь какого-либо практического выхода до тех пор, пока у кормила страны находился Александр III. По меткому замечанию нового главы Азиатского департамента Д.А.Капниста - придерживавшегося в болгарском вопросе умеренных позиций⁶⁴ - признание царем законности пребывания князя на престоле "было равносильно путешествию в Каноссу"⁶⁵.

Внешнеполитический курс России по возвращению в сферу своего влияния княжества строился из того тезиса, что если она может обойтись без Болгарии, то последняя не может игнорировать Российскую империю. Практически, Александр III продолжал придерживаться этой позиции и после известных событий, связанных с отстранением князем Фердинандом весной 1894 года Стамболова от власти и формированием нового правительства из членов "соединенной оппозиции"⁶⁶.

Однако перемены в Болгарии были слишком значительны, чтобы не замечать их.

Так, российская пресса того времени содержала самые разные оценки, прогнозы, предположения, связанные с происходившим^И в Болгарии событиями.

Если "Новое время" оценивало уход Стамболова как "государственный переворот"⁶⁷, то "С.-Петербургские ведомости",

имея в виду неожиданность разрыва Фердинанда I со Стамболовым, неясность возникавшей в стране ситуации, назвали поступившую новость весьма образно — "яичницей всмятку"⁶⁸.

В сущности, "С.-Петербургские ведомости" равно как и "Московские ведомости" проводили старый правительственный тезис о том, что характер русско-болгарских отношений не может быть пересмотрен, пока во главе княжества будет находиться ставленник западных держав⁶⁹.

Иную позицию в освещении и комментировании болгарских событий занимало "Новое время". Подбор информации свидетельствовал об определенных надеждах на урегулирование вопроса, не сходявшего со страниц прессы почти десять лет. Так, заручившись предварительным согласием князя Фердинанда и МИД России, газета направила в княжество своего корреспондента А.В. Амфитеатрова. Форма корреспонденций Амфитеатрова, представлявших собой интервью с государственными, политическими деятелями Болгарии, давала неискушенному читателю прекрасную возможность составить непосредственное впечатление об их взглядах на положение в княжестве, а также на проблему восстановления отношений между Россией и Болгарией. В столице княжества Амфитеатрова принимали не столько как журналиста, — сколько как неофициального представителя русской дипломатии⁷⁰. Поэтому можно думать, что предоставление детальной информации ему было обусловлено именно этим предположением.

Среди многочисленных корреспонденций Амфитеатрова наибольшим интерес представляют материалы о его встречах с министром юстиции и управляющим министерством народного просвещения Радославовым, князем Фердинандом.

Радославов, равно как и другие министры, отверг идею о переизбрании князя как неперемненное условие для примирения с Россией, так как в Болгарии не без оснований опасались повторения кризиса 1886—1887 гг. Рассуждения министра сводились к тому, что если Россия признает князя Фердинанда, то вопрос об обращении престолонаследника Бориса в православие будет автоматически разрешен⁷¹.

В свою очередь князь Фердинанд — через Амфитеатрова —

Подчеркивал свое желание начать болгаро-русские переговоры. Болгарский монарх призывал учитывать новые веяния в княжестве, проводя мысль о том, что русофобом "в данный момент политический деятель быть не может ... он шел бы против всего народа"⁷².

Подобные заявления соответствовали общественно-политическим настроениям в княжестве, где проходили многочисленные митинги с требованием о немедленном назначении новых выборов и созыва Народного собрания с целью скорейшего восстановления отношений между Болгарией и Россией.

Как уже говорилось, русская пресса была неоднородна в своих прогнозах по определению базы для примирения. Так, на страницах "С.-Петербургских ведомостей" выдвигалось требование конкретных гарантий с болгарской стороны, в частности и обеспечение стоянок для русского военного флота в портах Бургас и Варна⁷³.

Выдвижение таких условий - выдержанных в духе Татищева - только препятствовало процессу сближения двух стран и было лишь на руку западной прессе, пугавшей болгар призраком "русского порабощения".

Подобные откровения, естественно, встретили резкий отпор не только в Болгарии, но и стали основой для критических выступлений в русской прессе.

Известный "Вестник Европы", осуждая "газетных патриотов" и их "фантастические" требования, говорил о важности для обеих стран возобновления отношений, для достижения чего нет необходимости ставить специальные условия⁷⁴. Другой журнал - "Русская мысль" - указывая на ошибки русской дипломатии, выступал за смену правительственного курса, за восстановление "влияния ... в иных формах, на других основаниях"⁷⁵. То есть, не поднимая вопроса о каких-либо материальных гарантиях примирения, журнал высказывался за возобновление утраченных связей.

Итак, пресса поставила на повестку дня вопрос об упорядочении отношений между двумя славянскими государствами.

Эта же проблема, естественно, продолжала быть объектом внимания русской дипломатии. МИД в своих циркулярных мате-

риалах подчеркивал, что "потрясения, переживаемые сейчас Болгарией, послужат делу ее возвращения на правильный путь, установлению в стране прочного мира и законного порядка, которые являются единственным желанием великой империи, которой Болгария обязана своим существованием"⁷⁶.

Из вышесказанного все же можно было понять, что в Петербурге считали отставку Стамболова лишь началом процесса по удалению князя Фердинанда.

Более конкретно выступал Нелидов. Придерживаясь официальной позиции невмешательства, он отвергал любые планы свержения Фердинанда, в которых могла быть задействована Россия.

Именно так он действовал в июле 1894 года, когда некоторые сторонники болгаро-русского соглашения явно заговорщического толка стремились уверить Нелидова в необходимости официального признания князя Фердинанда и посылки в Софию дипломатических представителей. Последние, по их мнению, действуя исподволь, подготовили бы вместе с болгарскими государственными переворот и призвали бы в княжество представителя иной будущей болгарской династии. И тут Нелидов твердо стоял на том, что восстановление отношений может и должно состояться только после "заявленного населением желания возвратить себе благорасположение русского царя"⁷⁷.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что Нелидов не упоминает имени князя Фердинанда. Объяснение следует искать в том, что сам план насильственного свержения князя, тесно связанного с армией и властными структурами, ассоциировался у сторонников легального пути примирения с Россией — чья позиция должна была учитываться Нелидовым — с началом гражданской войны со всеми ее непредсказуемыми последствиями⁷⁸.

Все более склонявшийся на путь политического компромисса, Нелидов переходил от позиции активного контролера к четко выраженной заботе нового пути урегулирования отношений с княжеством. Считая, что с падением Стамболова устраняется главное препятствие к возобновлению отношений

с Болгарией, российский дипломат обращал внимание Гирса на актуальность изменения политики в отношении Болгарии. По его мнению, тактика выжидания, практиковавшаяся Россией, заставляет болгар с опасением относиться к ней и не спешить с конкретными шагами в деле примирения. В связи с этим Нелидов защищал необходимость смены тактики в новых условиях. Недавний защитник и проводник политики пассивного диктата Нелидов теперь писал, что для болгарского общества сейчас основным вопросом является не сохранение или удаление князя Фердинанда, а вероисповедание наследника престола. Излагая — правда, в весьма запутанной форме — свое видение пути, Нелидов проводил ту мысль, что только в отречении от неких "личных выгод" находится "залог восстановления наших сношений с Болгарией и направление ее снова на прямой, достойный свободного славянского народа путь"⁷⁹.

Под туманной фразой отказа от "личных выгод" русский дипломат, как представляется, понимал — в соответствии с ходом своих размышлений — отказ России от выдвижения нового кандидата на болгарский престол.

В Петербурге сходного мнения придерживался и Ламздорф. В своей известной записке, составленной в середине августа, Ламздорф, подчеркивая значение отставки Стамболова, равно как и возможность победы русофилов на выборах в Народное собрание, ставил вопрос о позиции России, если болгарский народ "проявит желание установить законный порядок". По его мнению, инициатива в этом деле должна принадлежать Болгарии. "Что касается России, то все, что она может в настоящий момент сделать в соответствии с искренними пожеланиями болгарского народа — это соизволить послать в Софию официального агента по примеру других держав, поручив ему подготовить пути к открытию новой эры, облегчая все усилия для устранения трудностей, возникающих на этом пути"⁸⁰.

Сугубо туманные выражения и формулировки, как представляется, не скрывали главного: Ламздорф был настроен, как впрочем и ранее, на соглашение, при котором Фердинанд оставался бы на троне.

В конечном итоге, депеши Нелидова и записка Ламздорфа

сыграли свою роль, подтолкнув Гирса выступить перед Александром III ^{с предложением} смене тактики. Однако его доклад прошел неудачно. Царь жестко придерживался старых позиций о невозможности примирения пока Кобург остается на троне. Но все же окончательное решение было отложено на сентябрь, когда Александр III намеревался вновь обсудить болгарский вопрос ⁸¹.

Однако всероссийский самодержец уже не смог больше вернуться к нему. Здоровье императора стремительно ухудшалось. 20 октября 1894 года Александр III скончался.

Смерть непримиримого противника князя Фердинанда убищирила начавшийся процесс нормализации отношений. Для Болгарии и правительства, равно как и для Народного собрания, где большинство составляли приверженцы скорейшего примирения с Россией, сохранение существовавшего положения означало усиление накала политической борьбы, чреватой тяжелыми последствиями, ограничение действий княжества на международной арене, включая и экономическую деятельность, своеобразную изоляцию для самого князя Фердинанда, готового пойти навстречу России вплоть до крещения своего парвенца Бориса по православному обряду, лишь бы добиться утверждения законности своей династии на болгарском престоле. Примирение с Россией внушало надежду на ее помощь в решении одной из важнейших для Болгарии задач — воссоединение с Македонией.

Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившегося было продолжать политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, игрой которой отведенную ей роль в стратегических планах России.

В начале 1896 года после приема болгарской делегации в Петербурге новым царем и крещения престолонаследника Бориса по православному обряду болгарский вопрос в его старой, конфликтной форме перестал существовать. Однако память о нем постоянно всплывала и всплывает перед политиками, дипломатами, историками.

Примечания

1. Поддержку Бисмарком русской ноты можно объяснить двумя причинами. Первая — желание выказать свою приверженность договору 1887 года. Вторая — средиземноморские соглашения, в заключении которых германский канцлер принимал участие, были гарантом того, что любые попытки решительных действий России в болгарском вопросе встретят противодействие со стороны участников этих соглашений. Однако этот внешний жест поддержки уже не мог предотвратить начавшийся процесс охлаждения отношений между Петербургом и Берлином. Определенная декларативность курса Германии в области внешнеполитического сотрудничества с Россией в сочетании с экономическими санкциями — отказ в кредитах русскому правительству, повышение хлебных пошлин — подтверждали непрочность русско-германского договора. В 1890 году он не был возобновлен. Новый канцлер Каприви после отставки Бисмарка в том же 1890 г. видел задачу своей дипломатии в создании мощной группировки, которая могла бы противостоять совместным силам России и Франции. И так, Германия переставала быть союзницей России. Ее место замещала Франция, обеспечившая России требуемые кредиты, надеявшаяся заключить военный союз с северной империей. Последняя, опасаясь остаться в изоляции после отдаления Германии и возобновления в 1891 году Тройственного союза, также нуждалась во Франции, как союзнице. В конечном итоге на исходе 1893 года Александр III одобрил проект франко-русской военной конвенции, по которой каждая из ее участниц обязывалась прийти на помощь в случае нападения на любую из них стран Тройственного союза. — История дипломатии. М., 1945, т.2, с.96-100, 104-105.

2. Не ограничившись этим русской дипломатия, уверенная в том, что "весь мир" признает незаконность пребывания Фердинанда Кобургского на болгарском троне, сделала попытку убрать князя с помощью конференции послов великих держав в Константинополе. Однако этот план встретил резкое сопротивление Англии и Австро-Венгрии, что привело к провалу русского предложения. — *Correspondance diplomatique du baron de Staal (1884 - 1900). Paris. 1929, t. 1, p. 384; Мантев А. Англия срещу Русия ... с.178.*

Таким образом расчеты русской дипломатии на то, что Великобритания, ранее соглашавшаяся в принципе на удаление Фердинанда, даст согласие на конференцию, не оправдывались. В Лондоне явно не желали — при всей своей неприязни к Кобургу — принимать предложение Петербурга в условиях неразработанности вопроса о преемнике Фердинанда. В сущности, его сохранение на престоле обеспечивало для Уайт-холла закрытие княжества для России, что и сыграло свою роль в определении Англией своей позиции.

Трудно сказать, на что рассчитывала русская дипломатия в отношении к Австро-Венгрии. Вероятно в Петербурге надеялись на Бисмарка, который мог бы нажать на Вену. Однако для германского канцлера, сыгравшего существенную роль в формировании средиземноморской Антанты, подобное посредничество между Петербургом и Веной было слишком рискованным предприятием.

3. Грънчаров С. Политическите сили ... с.145-146.
4. См.: Княпина Н.С. Болгария в балканской политике России (1886-1896 гг.). - Отечественная история. М., 1992, 2.
5. ЦИИА, ф. 600, а.е. 1304, л. II и об.
6. Там же, л.26-33.
7. Княпина Н.С. Болгария в балканской политике ... с.50.
8. АВПРИ, ф. Канцелярия, д.25, л.20 об. - 21, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 16/28 января 1889; там же, ф. Канцелярия, л. 25, л.67 об. - 68, М.К.Ону - Н.К.Гирсу, 27 февраля/ II марта 1889.

9. Одия из проектов по удалению князя Фердинанда был выдвинут Ламздорфом, предлагавшим договориться с популярным в Болгарском княжестве Александром Баттенбергом, по отношению к которому Петербург поступил "не вполне безупречно". Ламздорф записывал в своем дневнике от 7 января 1889 гсда, что "государь мсг бы его вызвать сюда ... откровенно и основательно с ним объясниться, сговориться, помиловать его и направить в Болгарию, откуда маленький Фердинанд был бы изгнан, как он того и заслуживает". Николай Карлович Гирс - в принципе соглашавшийся с этим планом и еще в 1887 году выступавший за примирение с Александром Баттенбергом - все же не был уверен в согласии императора. Тем не менее он был готов переговорить с царем на тему удаления Фердинанда Кобургского с помощью экс-монарха княжества и последующего выдвижения на престол князя Веймарского. - Ламздорф В.И. Дневник (1886-1890) ... с.89; Jelavich B. *Russia, Britain and Bulgarian Question 1885-1888* ... p. 188.

Неизвестно, осмелился ли Гирс поднять этот вопрос при встречах с Александром III, но ясно одно: само ссоединение предложенный Ламздорфа и Гирса выглядело весьма иллюзорным. Каких-либо последствий этот проект не имел, однако начатое обсуждение о возможной кандидатуре на болгарский трон было продолжено. Известный Н.П.Игнатьев выдвигал кандидатуру вел. князя Михаила, намекая, как подчеркивал Ламздорф, что после женитбы на его дочери Михаил утратит великокняжеское достоинство и тем самым будут обойдены все затруднения, вытекающие из Берлинского трактата. Со своей стороны Гирс предлагал кандидатуры князей Ольденбургского и Саксен-Веймарского-Вюртембергского. В конце января 1889 года выяснилось, что император Александр III настроен против всех упомянутых кандидатов: вел. князь Михаил "ничтожен, за ним Игнатьев будет действовать", фигура князя Ольденбургского не подходила вследствие того, что "родители его никогда не согласятся", князь Веймарский был отвергнут только потому, что он немец. Сам Ламздорф всем другим предпочитал кандидатуру князя Юрьевского - сына Александра II отmorganатического брака с кн. Е.Долгорукой. Однако царь и здесь отверг предлагаемого кандидата. В конечном итоге Александр III в ноябре 1889 года все же остановился на фигуре князя Саксен-Веймарского, что-бы после избрания на трон женить на дочери вел. кн. Екатерины. - Ламздорф В.И. Дневник (1886-1890) ... с.97-98, 109, 208, 233.

Однако этот план так и не получил какого-либо практического развития.

10. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 24, т.1, л.168 об., А.И.Не-

лидов - Н.К.Гирсу, 25 мая /6 июня 1889.

11. Там же, л.170.

12. Там же, т.11, л.60 об.-61 об., А.И.Нелидов - Н.К. Гирсу, 29 августа /10 сентября 1889.

13. Там же, л.72-79, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 5/17 сентября 1889.

14. Там же, д. 25, л.191-192 об., Н.К.Гирс - А.И.Нелидову, 13 сентября 1889.

15. "Загадочность" отъезда князя состояла в том, что поездка Кобурга под псевдонимом графа Юррани не была предана широкой огласке. Сам Стамболов узнал о предполагаемом отбытии князя Фердинанда лишь за день до убийства его из Болгарии. - Грынчаров С. Политическите сили ... с.158.

Как представляется, этот неожиданный въезд в Европу был в стиле князя Фердинанда, отличавшегося романтической жилкой в характере.

16. АВПРИ, ф. Политархив, д. 443, л.197 об.-199, А.И.Персиани - Н.К.Гирсу, 11 октября 1889.

17. Согласно 20 статье Берлинского трактата, возлагавшей на княжество расходы по содержанию русского оккупационного корпуса, между Россией и болгарским правительством в 1883 году была заключена особая конвенция, по которой Болгария должна была уплатить сумму в 10 618 250 рублей взносами по 800 000 рублей ежегодно в два срока. Эти деньги уплачивались вплоть до 1886 г., т.е. до известного переворота. Когда же Болгария сделала известный заем на 30 млн. франков под обеспечение железных дорог, Россия и выступила, повторяюсь, с заявлением о незаконности всех финансовых сделок в ущерб ее правам. - АВПРИ, ф. Отчеты, 1890, л.27 об.-28 об.

18. АВПРИ, ф. Отчеты, 1890, л.28 об.-29.

19. Пантев А. Англия срещу Русия ... с.194-195.

20. Русский вестник. 1889, декабрь, с.304.

21. Панайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос след избора на княз Фердинанд (1888-1896). София, 1941, с.157-158; Ламэдорф В.Н. Дневник (1886-1890) ... С.356-357.

22. Определенным подтверждением может служить содержание письма военного министра П.С.Ванновского тогдашнему министру иностранных дел М.Н.Муравьеву от 14 января 1897 года. В нем говорилось, что 11 января Николай II утвердил ряд мероприятий в случае "необходимости вооруженного вмешательства Европы в турецкие дела. При таком вмешательстве, одновременно с движением европейских военных эскадр из Средиземного моря к Константинополю, надлежит обеспечить нашу безопасность на Черном море посредством занятия десантным отрядом верхнего Босфора. О наступлении сих обстоятельств послон наш в Константинополе предупреждает командующего войсками Одесского округа и Главного командира Черноморского флота и портов условной телеграммой следующего содержания "Давно без известий". ... выход в море самого десанта может последовать не иначе как по высочайшему на то повелению ... Целью десантного предприятия поставлено исключительно занятие верхнего Босфора, никоим образом не касаясь Константинополя". - Русско-германские отношения 1873-1914 ... с.153-154.

23. Ламздорф В.Н. Дневник (1891-1892) М.-Л. 1934, с.131-134.
24. Грынчаров С. Политическите сили ... с.162-164.
25. Панайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос ... с.147-148.
26. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 34, л.19, Н.К.Гирс - Александру III, 18 апреля 1887.
27. /Павлович П./ Авантюры русского царизма в Болгарии Сборник документов. М., 1935, с.63-64; Панайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос ... с.99-100.
28. /Павлович П./ Авантюры русского царизма в Болгарии ... с.64-68. Оригинал этого документа автором в АВПРИ не обнаружен. В опубликованном Павловичем в "Авантюрах..." документе четко и недвусмысленно указывается на посылку в Константинополь первого секретаря русской дипломатической миссии в Бухаресте для "окончательных условий с Набоковым и о порядке управления занятой им местности в Болгарии до прибытия из Одессы подкреплений", т.е. ставки Петербурга на высадку в Болгарии отряда Набокова и поднятия им восстания. Однако материалы АВПРИ не подтверждают этого: ни в одном документе не упоминается о какой-либо поездке русского дипломата для связи с Набоковым. Сама миссия Гартвига делала эту командировку совершенно излишней. Царское правительство, как показывают материалы миссии Гартвига, свои надежды на свержение Кобурга связывало не с отдельными вспышками - как осужденное им же выступление Набокова - а с организацией широкого движения и длительной подготовкой оппозиционных сил к восстанию.
29. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2305, л.7 а и об., А.Ростковский - И.А.Зиновьеву, 22 августа 1890.
30. Там же, л. 7 а об.-7 б; Домонтович Михаил Алексеевич (1830-1902) - генерал-майор, активный участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В 1877 г. был губернатором в Тырново, в 1878 году привлечен к организации управления Болгарского княжества. По возвращению в Россию поддерживал связи с болгарскими политическими и общественными деятелями. После 1886 года контактировал с болгарской эмиграцией.
31. Комитет "Освобождение Болгарии", чьи сторонники были и внутри княжества, свою деятельность направлял на свержение князя Фердинанда и Стамболова через поднятие революции и проведение террористических акций. В своей записке к Зиновьеву члены комитета просили покровительства для их тайной - не выходящей из рамок законов стран их пребывания - деятельности в Турции, Румынии, Сербии, а также денежной помощи (но не обязательной) и поставки оружия в количестве 2-3 тыс. винтовок. Как подчеркивалось в записке, Россия после успешного переворота направляла своих представителей в княжество, чье новое правительство послало бы в Петербург депутацию для решения вопроса о кандидатуре князя. Между Россией и Болгарией предусматривалось заключение военной конвенции, по которой на командные посты в болгарской армии приглашались бы русские офицеры. - АВПРИ, ф. Политархив, д. 1292, л.294-296. Записка уполномоченного комитета "Освобождение Болгарии" поручика болгарской артиллерии Николая Петрова Ножарова о положении дел в Болгарии и проекте разрешения болгарского вопроса, переданная Иаджаровым (так в тексте. - В.К.) и Колобковым в Одессе через тамошного агента МИД Ростовского Зиновьеву. 22 августа 1890.

32. АВПРИ, ф. Политархив, д. 1292, л. 321, секретная телеграмма Н.К.Гирса в дипломатические представительства России в Белграде и Бухаресте, 3 октября 1890.

33. Тончев Димитр (1858-1937) - получил юридическое образование в Новороссийском университете. С 1884 г. - адвокат. Избирался депутатом в Народное собрание. С 1886 г. занимал неоднократно различные посты в правительстве. - Энциклопедия. Българската ... с.658.

34. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 24, л. 196 об.-197 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 12/24 апреля 1890.

35. Там же, ф. Политархив, д. 5358, л. 20-30, Н.А.Неклюдов - П.Н.Милокову, 8/21 марта 1917.

36. Там же, ф. Канцелярия, д. 24, л. 115 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 22 февраля/6 марта 1890.

37. Там же, ф. Отчеты, 1890, л. 165.

38. Там же, ф. Канцелярия, д. 24, л. 226-227, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 18/30 декабря 1890.

39. Ламздорф В.Н. Дневник (1886-1890) ... с.356-357.

40. В начале 1891 года подал в отставку по болезни военный министр Муткуров, через которого Стамболов контролировал армию. Этот важный пост занял преданный князю Р.Петров (в феврале был заменен М.Савовым как политически нейтральным). Настоящая информация дополнялась сведениями о начале сближения Стамболова с Каравеловым. - АВПРИ, ф. Политархив, д. 1293, л. 15-16, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 10/22 января 1891; Гринчаров С. Политическите сили ... с.167-168.

41. АВПРИ, ф. Политархив, д. 1293, л. 133-134, А.И.Нелидов - МИД, 2/14 июня 1891; Ламздорф В.Н. Дневник (1891-1892) ... с.131-135, 141, 143-148.

42. АВПРИ, ф. Политархив, д. 1293, л. 128 и об., МИД - Н.Ф.Ладженскому, 23 мая 1891.

43. Там же, л. 127 об., А.Путята - Д.А.Капнисту, 20 ноября 1891.

44. Там же, д. 2308, л. 80 об.-82, А.Путята-Д.А.Капнисту, 27 марта 1892.

45. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 24, л. 69, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 22 февраля/5 марта 1892; Вылкович, занимавший также сыском и передачей эмигрантов в руки болгарских властей, ждал покушения на свою жизнь. Накануне своей гибели, говоря о своих не совсем дипломатических занятиях одному из соотечественников, он жаловался, что "делал это по долгу службы", по приказу из Софии. - АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 23, т. 1, л. 176, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 20 февраля/3 марта 1892.

46. Одним из них был Шишманов - чиновник русской почты в Константинополе, другим - И.И.Кишелский. - АВПРИ, ф. Политархив, д. 2308, л. 12, А.Путята - МИД, 6 марта 1892; там же л. 52, директор департамента полиции - Д.А.Капнисту, 20 марта 1892.

47. Там же, л. 1, А.И.Нелидов - МИД, 23 февраля 1892.

48. Там же, л. 13, П.Груев - Д.А.Капнисту, 6 марта 1892; там же, л. 150, список болгарских эмигрантов, проживаемых в России под чужим именем; Ламздорф В.Н. Дневник (1891-1892) ... с.300. Впоследствии Тюфекчиеву было дано разрешение выехать в Германию. - АВПРИ, ф. Политархив, д. 2308, л. 144,

директор департамента полиции - Д.Д.Лисовскому.

49. АВПРИ, ф. Политархив, д. 2308, л.52, директор департамента полиции - Д.А.Капнисту, 20 марта 1892; там же, л.62, 24 марта 1892; там же, л.69, 26 марта 1892.

50. Там же, л.88, директор департамента полиции - Д.А.Капнисту, 28 марта 1892; там же, л.105, 31 марта 1892; там же, л.109, 1 апреля 1892.

51. По распоряжению Стамболова в Одессу был послан некто Черноколев с заданием не только слежки за деятельностью эмигрантов, но и для приготовления насильственных актов. В письме к своему доверенному лицу в Одессе Черноколев подчеркивал, что цель его приезда - приустройство эмигрантам могилы. - АВПРИ, ф. Политархив, д. 2308, л.74-75, начальник жандармского управления в Одессе генерал-майор Цугаловский - директору департамента полиции.

52. Цит. по: Ризов Д. Разлагающа се и възраждаща се България. София, 1894, с.34.

53. Pears E. Forty years in Constantinople (1873 - 1915). London. 1916, p. 193.

54. Димитров Петр (1848-1919) - закончил Роберт-колледж в Константинополе в 1872 году. После завершения русско-турецкой войны работал в администрации Восточной Румелии. С 1890 года на дипломатической работе. - Энциклопедия. България ... с.198.

55. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 23, т.1, л.218-221, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 19/31 марта 1892.

56. Там же, д. 29, л.71, Н.П.Шишкин - Александру III, 5 августа 1892.

Визит к султану был организован Димитровым за день до приезда в Константинополь Стамболова, возвращавшегося с семьей из Варны в Софию. Цель незапланированной встречи была весьма банальна - прозондировать вопрос о признании Кобурга. Абдул-Гамид заявил своему визитеру, что "в настоящее время исполнение этих воцелений невозможно, надо ожидать более благоприятных обстоятельств". - АВПРИ, ф. канцелярия, д. 23, т.11, л.517-518, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 29 октября/10 ноября 1892.

57. Там же, л.604 и об., А.И.Нелидов - Н.П.Шишкину, 3/15 декабря 1892.

58. Там же, л.635 и об., А.И.Нелидов - Н.П.Шишкину, 17/29 декабря 1892; Грынчаров С. Политическите сили ... с.179-180.

59. Грынчаров С. Политическите сили ... с.178-180.

60. АВПРИ, ф. Канцелярия, д. 24, л.192 об.-193, А.И.Нелидов - Н.П.Шишкину, 25 марта 1893; там же, л.146-147, 1 апреля 1893. И ранее попытки князя Фердинанда добиться какого-либо ощутимого продвижения по вопросу узаконения его прав на престол великими державами терпели неудачу. В Вене император Франц-Иосиф в мае 1891 года дал ему аудиенцию, но как частному лицу. В Лондоне королева Виктория и Солсбери в июне 1892 года приняли его официально. Однако этот демонстративный прием был вызван желанием лишь "подрознить" Петербург. Старания князя Фердинанда добиться через английскую королеву официального приема у Вильгельма II потерпели провал. Германский император и его канцлер Каприви не желали обсто-

рений с Россией из-за Кобурга. Как уже говорилось, не принес успеха и визит Стамболова в августе 1892 года в Константинополь к султану. - Панайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос ... с.173-176.

61. АВВРМ, ф. Канцелярия, д. 24, л.466-467, А.И.Нелидов - ИИД, 30 сентября/12 октября 1893.

62. Ламздорф В.Н. Дневник (1891-1892) ... с.314.

63. АВВРМ, ф. Политархив, д. 5358, л.21. Записка А.А.Савинского по болгарскому вопросу.

64. Карцов Ю.С. Семь лет ... с.145.

65. Ламздорф В.Н. Дневник (1891-1892) ... с.165.

66. Диктаторский режим Стамболова с его насильем и провозлом в конечном итоге обусловил создание "соединенной оппозиции", куда вошли как русофобские, так и часть русофильских сил. Было принято решение убрать Стамболова руками князя, который сам тяготился отведенной ему Стамболовым ролью. Оппозиция обещала князю свою полную и безусловную поддержку. Офицерский корпус, с которым сблизился Фердинанд I, также обещал встать на его сторону. В результате умело скроенной интриги Стамболов подал в отставку, которая была и принята князем. - Грънчаров С. Политическите сили ... с.190-196.

67. Новое время. 1894. 20 мая. № 6545.

68. С.-Петербургские ведомости. 1894. 19 мая. № 133.

69. Там же, 20 мая. № 134; Московские ведомости. 1894. 22 мая. № 139.

70. Подтверждением этого является выступление главы правительства Стоилова в Народном собрании в октябре 1894 года, где он упомянул, что Амфитеатрова (Стоилов не назвал фамилии, но из контекста видно, что речь идет о нем) принимали за представителя русских дипломатических кругов. - Новое время, 1894. 6 ноября. № 6714.

71. Новое время. 1894. 6 августа, № 6622.

72. Там же, 3 июля. № 6588.

73. С.-Петербургские ведомости. 1894. 18 июля. № 192.

74. Вестник Европы. 1894. Кн. 5, с.377-379.

75. Русская мысль. 1894. Кн. 9, с.192.

76. Ламздорф В.Н. Дневник (1894-1896). М., Л., 1991, с.68.

77. АВВРМ, ф. Канцелярия, д. 25, т. II, л.351-352 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 7/19 июля 1894.

78. Там же, л.390 об.-392, А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 21 июля/2августа 1894.

79. Там же, л.429 об.-431 об., А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу, 16/30 августа 1894.

80. Цит. по: Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. Киев, 1967, с.37-38.

81. Ламздорф В.Н. Дневник (1894-1896) ... с.139.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русско-болгарских отношений может рассматриваться как своеобразное второе "освобождение" Болгарии теперь уже от доминирующего влияния России.

Условно политика России в Болгарии может быть разделена на три этапа, если начинать отсчет с 1879 года.

Первый - до 1883 года, когда русское влияние заявляло о себе как о сравнительно мощном факторе в жизни Болгарского княжества. Для этого времени характерно применение "политики качелей" со всеми ее сложностями и противоречиями. На этом этапе выявились и первые признаки отчуждения между Александром III и болгарским князем.

Второй - до 1886 года, когда Россия переходит к жесткому курсу "старшего брата", что наиболее наглядно проявилось в событиях, связанных с объединением Болгарского княжества с Восточной Румелией, с отречением Александра I от болгарского престола, с разрывом Россией отношений с Болгарией.

Третий - до 1894 года, когда Россия последовательно осуществляет принцип пассивного диктата в сочетании с дипломатическим маневрированием, нацеленным на урегулирование отношений с княжеством по своему рецепту.

В политике России, где одна комбинация шла на смену другой, весьма четко проявился кризис ее тактики. Достаточно сказать, что сотни тысяч убитых и другие жертвы России, понесенные ею только за время войны 1877-1878 гг., не могли служить тем своеобразным моральным фундаментом, на который она хотела бы опереться в строительстве своей политики в Болгарии, а власти последней не могли покорно ее принимать.

Можно выдвинуть тезис о том, что основной причиной кризиса дипломатии России в Болгарии была разница в характере государственной власти. В определенной степени это будет верным, но все же не исчерпывающим суть и корни конфликта, где следует видеть и выделять степень приоритетности задач, стоящих перед двумя славянскими странами.

Если для России первоочередная задача состояла в "привязывании" к себе княжества и подчинении болгарской политике своей стратегии, то перед Болгарией стояла цель созда-

ния независимого государства с консолидацией национальных территорий. Ориентиром в этой болгарской программе служила известная Сан-Стефанская Болгария, созданная русской дипломатией с несколько иными целями.

Различие интересов и путей по их реализации не могло не вызывать, не провоцировать столкновений позиции, так как каждая сторона считала свой путь правильным.

Вопрос о первенстве задач самым естественным образом соотносился с вопросом о власти, наглядно проявившемся, в частности, и в неприятии Александром III Фердинанда I.

Борьба Александра III и его дипломатии по смещению Кюбурга - этого "узурпатора" болгарского престола - велась с позиции конфессионализма и во имя той стратегии, которая предусматривала получение болгарской короны ставленником Петербурга, но не протеже Вены, не марионеткой в руках Стамболова.

Анализируя политические сюрпризы, которыми была так щедро история русско-болгарских отношений, нужно заметить, что ответственность за них падает не только на русскую дипломатию, но и на болгарских политических деятелей, чья борьба за власть и рождала те или иные "сюрпризы".

Апогеем борьбы за власть были конец второго и третий этапы политики России в Болгарии, когда сторонниками линии Петербурга выступали заговорщики, эмигранты, террористы.

И здесь важно подчеркнуть, что поддерживая тайным и явным образом противников существовавшего в княжестве режима, русская дипломатия отнюдь не исключала возможности соглашения на известной базе с тем же Стамболовым, а позднее с князем Фердинандом.

Лишь подозрительность, основанная как на реальных, так и на иллюзорных предположениях обеих сторон, помешала нормализации отношений намного раньше, чем это случилось в действительности.

В вопросе о политике России в Болгарии, в вопросе о власти всплывает еще одна тема - личности в истории. Многие сюжеты русско-болгарских отношений связаны с такими фигурами как Эрброт, Хитрово, Соболев, Каульбарс, Каравелов, Цанков, Стойлов, Стамболов. Среди них особняком стоит Алек-

сандр III - "страшилище" для Европы, как называли его недруги на Западе, "царь-миротворец", как называли его на родине.

Какое же из этих определений ближе к истине? Рассмотрение его внешнеполитических установок подтверждает первую оценку о нем как грубом, жестком и упрямо-последовательном политике, ставящем во главу угла вначале русские интересы, потом уже - славянские. Методы реализации этой национальной политики были сопряжены с промахами и ошибками, неизбежными при столь жестком курсе Александра III, вносившего ярко выраженный личностный элемент в средства разрешения болгарских дел.

Одновременно следует подчеркнуть, что при всей своей нетерпимости и подозрительности ко всему, что могло нанести какой-нибудь урон России, ее достоинству и авторитету, Александр III был достаточно трезвым политиком. Это проявилось, в частности, и в понимании всех опасностей для России, связанных с идеей оккупации Болгарии, и в восприятии им тактики маневрирования, наглядно проявившейся в переговорах со Стамбуловым.

В целом же действия императора Александра III и, соответственно, его дипломатов по отношению к Болгарии диктовались интересами России, интересами самодержавия, интересами защиты черноморских рубежей. Сама же политика в болгарских делах может быть охарактеризована как постепенный и неотвратимый переход от "мягкого" к "жесткому" курсу, что было обусловлено самим ходом развития отношений.

Тесно связанным с предыдущим вопросом является другой - об агрессивности политики России в Болгарии. Ответ на него можно условно разделить на две части.

По форме она не была агрессивной: а/ Россия не нарушала постановлений Берлинского трактата, регламентирующих международно-правовые аспекты положения княжества, ее политика была нацелена на выполнение Болгарией соответствующих статей Берлинского договора; б/ участие русских представителей в управлении болгарским государством соответствовало

договоренностям с болгарским князем; в/ разработка программ, относившихся к оккупации страны, равно как и проектов по применению иных методов изменения власти в княжестве, в первом случае не выходила из рамок обсуждения, во втором - велась на основе переговорного процесса с самим Стамболовым; г/ русская дипломатия никогда прямо не принимала участия в заговорах и восстаниях в княжестве.

Но содержание ее она несет в себе ярко выраженные элементы принуждения: а/ фактическое устранение князя Александра I, сопровождавшееся навязыванием угодной императору кандидатуры на вакантный престол князя Мингрельского; б/ разрыв отношений с целью устрашения и соответствующего изменения болгарской политики; в/ тактика пассивного диктата, тайное покровительство заговорщикам, активное противодействие любым попыткам по признанию Фердинанда князем болгарским.

Следовательно, речь, как представляется, может идти не об агрессивности политического курса России в Болгарии, находившейся в вассальных отношениях к Османской империи и входившей в сферу влияния русских интересов, а о политике давления с применением разнообразных средств и методов, начиная от тактики внешнего безучастия до фактической поддержки ки ставки эмигрантов на организацию крупного восстания.

Говоря о международных аспектах политики России в Болгарии следует вслед за многими историками подчеркнуть, что болгарский кризис привел к нарушению и распаду хрупкого союза трех императоров и созданию новых союзов и договоров. В то же время не следует преувеличивать значение болгарского кризиса в разрушении союза трех императоров: слишком велики были противоречия между великими державами, чтобы этот союз сохранился длительное время.

И еще. Болгарский кризис выявил и показал со всей очевидностью, что у России, в сущности, нет союзников в том же болгарском вопросе.

И последнее. Болгарские политики переоценили здесь свои прогнозы и возможности и сами оказались "жертвой" собственного курса, который не во всем соответствовал интересам Болгарии в реалиях того времени и в исторической перспективе.

Список использованных источников и литературы^х

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. ДДС и ХД: д. 83.

Ф. Канцелярия: д. 14, 23 т. I-II, 24, 24 т. I-II, 25, 25 т. I-II, 28, 29, 34, 68.

Ф. Отчеты 1890.

Ф. Политархив: д. 443, 967, 1292, 1293, 2180, 2183, 2305, 2308, 5358.

Ф. Секретный архив: д. 752/808.

Центральный государственный исторический архив Республики Болгарии (ЦИИА)

Ф. 600: а.е. 1304.

Опубликованные источники

/Павлович П./ Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. М., 1935.

Русско-германские отношения 1873-1914. - Красный архив. М., 1922, т. I.

A Russian Diplomat's Comments on the Bulgarian Crisis, 1885-1888. The Letters of E.E. Staal to N.K. Giers. By Jelavich B. - Südost-Forschungen. R. Oldenbourg/München, 1975, band XXXIV.

Correspondance diplomatique du baron de Staal (1884-1900). Paris, 1929, t. 1.

Дневники. Мемуары

Записки великого визиря Киамиль-паши. - Известия МИД. Петроград, 1916, кн. III, IV.

Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке 1879-1886. СПб., 1906.

Ламздорф В.Н. Дневник (1886-1890). М., -Л. 1926.

Ламздорф В.Н. Дневник (1891-1892). М., -Л. 1931.

Ламздорф В.Н. Дневник (1894-1896). М., -Л. 1991.

^хВ список включены только те источники и исследования, на которые имеются сноски в работе.

Пресса

- Вестник Европы, 1894
Новое время, 1886, 1894
Русская мысль, 1894
Русский вестник, 1889
С.-Петербургские ведомости, 1894.

Справочное издание

Энциклопедия. Българската възрожденска интелигенция.
София. 1988.

Исследования

Грънчаров С. Политическите сили и монархическият институт в България 1886–1894. София. 1984.

Дренски И. Радко Дмитриев. – В кн. Бележити българи.
София. 1971, т. IV.

Золотухин М. Д. Болгарский кризис (1885–1886 гг.) и крах австро-русско-германского союза. – Вопросы истории. М., 1984, 4.

История дипломатии. М., 1945, т. 2. (Автором материала, на который дается отсылка, является В. М. Хвостов).

Княпина Н. С. Болгария в балканской политике России (1886–1896 гг.). – Отечественная история. М., 1992, 2.

Косиц В. И. Русская политика в Болгарии 1879–1886. М., 1991.

Маковецкая Т. Ф., Бирман М. А. К вопросу о некоторых тенденциях становления и развития болгарского буржуазного государства. – В кн. Балканы в конце XIX начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. (Автором материала, на который дается отсылка, является Т. Ф. Максвещая).

Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев. 1967.

Панайотов И. Русия, великите сили и българският въпрос след избора на княз Фердинанд (1888–1896). София, 1941.

Пантев А. Англия срещу Русия на Балканите 1879–1894. София. 1972.

Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923.

Радев С. Строители на съвременна България. София, 1973, т.2.

Ризов Д. Разлагаща се и възреждаща се България. София. 1894.

Сказкин С.Д. Конец союза трех императоров. М., 1928, т.1. (2-е издание - М., 1974):

Хаджиниколов В. Русофилы и русофобы в болгарской исторической литературе до Октябрьской революции. - *Études historiques*. Sofia, 1968, t. 4.

Clauton G.D. Britain and the Eastern Question Missolonghi to Gallipoli. London. 1971.

Jelavich B. Russia, Britain and the Bulgarian Question 1885-1888. - *Südost-Forschungen*. R.Oldenbourg/München. 1973, band XXXII.

Pears E. Forty years in Constantinople (1873-1915). London. 1916.

Ramm A. Sir Robert Morier. Envoy and Ambassador in the Age of Imperialism. 1876-1893. Oxford. 1973.

Taylor R. Lord Salisbury. London. 1975.

Именной указатель

- Абдул Гамид II (1842-1918), турецкий султан (1876-1909)
14, 28, 29, 31, 48, 54, 67, 68, 81
- Александр II (1818-1881), российский император с 1855 г.
8, 77
- Александр III (1845-1894), российский император с 1881 г.
3-5, 7, 8, 10, 12, 16-18, 22, 23, 25, 26, 34, 35, 41,
42, 45, 47, 48, 52, 57-59, 63, 64, 66, 69, 70, 75-77,
79, 81, 83-85
- Александр I Баттенберг /Александр I, Баттенберг/ (1857-
1893), болгарский князь (1879-1886) 4, 5, II, 12, 14,
26, 41-43, 46, 58, 59, 77, 83
- Альберт Франц Август Карл Эмануэль (1819-1861), принц Сак-
сен-Кобургский, супруг королевы Великобритании Викто-
рии 10
- Амфитеатров Александр Валентинович (1862-1938), русский
писатель, журналист 71, 82
- Афанасьев Ф.А. см. Тифекчиев Н.
- Бахчеванов, капитан болгарской армии, политэмигрант 49
- Белчев Христо (1857-1891), министр финансов Болгарского
княжества с 1890 г. Убит во время покушения на С.Стам-
болова 65
- Бендерев Анастас* 17, 43
- Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенгаузен (1815-1898),
рейхсканцлер Германской империи (1871-1890) 12, 27,
28, 41, 46, 58, 76
- Богориди Александр /"Алеко-паша"/ (1882-1910), князь, Глав-
ный управитель Восточной Румелии (1879-1884), после от-
речения Александра I Баттенберга был одним из претен-
дентов на болгарский престол 21
- Борис (1894-1943), принц Тырновский, сын князя Фердинанда I
Кобургского. Царь Болгарии с 1918 г. 71, 75

* Здесь и далее сведения о лицах, отмеченных звездочкой,
см. в самом тексте.

Боянов, поручик болгарской армии, политэмигрант 37, 38
Бурбоны, королевская династия в Европе 10

Вальдемар Датский (род. в 1858 г.), принц датский, брат
русской императрицы Марии Федоровны, сын Христиана IX,
в 1885 г. вступил в брак с принцессой Марией Орлеанс-
кой дочерью герцога Шартрского 6

Ванновский Петр Семенович (1822-1904), военный министр Рос-
сийской империи (1882-1897) 48, 78

Веймарский, принц 77

Валчев В., болгарский ученый 51

Виктория (1819-1901), королева Великобритании с 1837 г.
10, 81

Вилламов, дипломат, секретарь российской миссии в Бухарес-
те в 80-х годах XIX в. 59

Вильгельм I (1797-1888), германский император с 1871 г. 41

Вильгельм II (1859-1941), германский император (1888-1918)
81

Влангали Александр Егорович (1823-1908), товарищ министра
иностраннных дел Российской империи (1882-1891) 48

Вылкович /Вълкович/ Георги (1833-1892), дипломатический
агент Болгарского княжества в Константинополе (1886-
1892), убит террористами 57, 61, 65, 80

Гадбан-эфенди^к 19, 20, 43

Гартвиг Николай Генрихович^к 32-39, 48, 49, 79

Гирс Николай Карлович фон (1820-1895), министр иностранных
дел Российской империи с 1882 г. 10, 22-26, 43-47, 49,
54, 57, 59, 61, 74, 75, 77-82

Гирш Мориз (1831-1896), банкир, железнодорожный делец, из-
вестный филантроп 39

Гольц Кольмар фон дер (1843-1926), глава германской военной
миссии в Турции (1885-1895), где под его руководством
была произведена реорганизация армии по германскому об-
разцу 48

Греков Димитр (1847-1901), видный политический деятель, министр иностранных дел и исповеданий Болгарского княжества (1890-1894) 9

Груев Петр^ж 17, 18, 33, 43, 80

Гринчаров /Грънчаров/ Стойчо, болгарский историк 35, 50

Дямитров Петр^ж 67, 81

Дмитриев Радко^ж 17, 42

Долгорукая Екатерина Михайловна /светлейшая княгиня Држевская/ (1847-1922), состояла вmorganaticком браке с императором Александром II 77

Долгоруков, князь 55

Домонтович Михаил Алексеевич^ж 60, 79

Дражев, один из участников убийства Вылковича 65, 66

Екатерина Михайловна (род. в 1827 г.), дочь вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны. В 1851 г. вступила в брак с герцогом Мекленбург-Стрелицким Георгом 77

Зиновьев Иван Алексеевич (1835-1917), директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи (1883-1891) 35, 37-39, 48, 49, 51, 57, 60, 63, 69, 79

Игнатъев Николай Павлович (1832-1908), с 1856 г. на дипломатической службе. В 1864-1877 гг. посол в Константинополе. Принимал самое активное и непосредственное участие в выработке условий Сан-Стефанского мира 1878 г. 77

Иосиф I (1840-1915), болгарский экзарх с 1877 г. 23, 63

Калчев К., член болгарской депутации, посланной в 1886 г. в Европу по вопросу избрания нового монарха 9

Кальноки Густав (1832-1898), министр иностранных дел Австро-Венгрии (1881-1895) 9, 10

- Кантакузин Михаил Александрович* I 6, 42
- Капнист Дмитрий Алексеевич (1837-1904), директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи (1891-1897) 70, 80, 81
- Каприви Лео фон (1831-1899), рейхсканцлер Германской империи (1890-1894) 76, 81
- Каравелов Петко (1843-1903), государственный и политический деятель Болгарии, занимал пост премьер-министра в 1884-1886 гг. Позднее входил в состав регентства, репрессирован С.Стамболовым 33, 38, 80, 84
- Карцов Юрий Сергеевич, русский дипломат 36, 48
- Катков Михаил Никифорович (1818-1887), журналист, публицист, принадлежал к лагерю "охранителей" самодержавного устройства России I 6, I 7, 42
- Каульбарс Александр Васильевич* 42
- Каульбарс Николай Васильевич* 5-8, II, I 6, 42, 59, 84
- Квемиль-паша (1828-1913), турецкий государственный и политический деятель, великий везир I 4, I 5, I 9, 20, 24, 31, 43-45, 58, 61
- Князянина Нина Степановна, русский историк 50
- Кишелски И.И. 80
- Клементина Орлеанская* I 0
- Кобурги* I 0
- Колобков П.А. 60, 79
- Кривцов Александр Александрович, председатель славянского общества в Одессе 37
- Ладыженский Н.Ф., русский дипломат 80
- Ламздорф Владимир Николаевич (1844-1907), директор канцелярии Министерства иностранных дел Российской империи (1880-1897) 57, 63, 64, 69, 70, 74, 77
- Леопольд I (1790-1865), король Бельгии с 1831 г. I 0
- Лисовский Дмитрий Львович, вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи (1888-1895) 81

- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824-1896), посол Российской империи в Константинополе (1878-1879), в Лондоне (1879-1882), в Вене (1882-1895) 10, 23
Луи Филипп (1773-1850), король Франции (1830-1848) 10
- Маковецкая Тамара Федоровна, русский историк 41
Максимов П.В., русский дипломат 43
Мария Луиза (1870-1899), урожденная принцесса Бурбонская и Пармская, первая жена князя Фердинанда I Кобургского 68
- Медичи Екатерина, королева французская (1519-1589) 10
Мефодий, архимандрит 63
Милюков Павел Николаевич (1859-1943), русский историк, лидер конституционно-демократической партии, министр иностранных дел во Временном правительстве с 2 марта по 5 мая 1917 г. 80
- Мингрели Николай Давидович (род. в 1846 г.) 8, 9, 12, 14-16, 22, 42, 86
Мингрельский, князь см. Мингрели Н.Д.
Минчович, дипломатический агент Болгарского княжества в Белграде 36
- Михаил, вел. князь 77
Михаил (Иванович) (1826-1899), митрополит сербский (1859-1881) и (1889-1899) 36
- Морьер Роберт, посол Великобритании в Петербурге 47
Мунир-паша, министр внутренних дел Османской империи 31
Муравьев Михаил Николаевич (1845-1900), министр иностранных дел Российской империи с 1897 г. 78
- Муткуров Сава (1852-1891), военный министр Болгарского княжества с 1887 г. 50, 80
- Мюрани см. Фердинанд I Кобургский
- Набоков Н.А. (1854-1887), штабс-капитан русской армии. После войны 1877-1878 гг. продолжил службу в милиции Восточной Румелии. После отзыва русских офицеров в 1885 г. остался в Болгарии. Участник майского заговора против

- князя Александра I Баттенберга в 1886 г. Выслан за пределы Болгарии. Продолжил свою деятельность против установившегося в княжестве режима. Убит при переходе его отрядом болгарской границы 37-39, 60, 79
- Наджаров см. Ножаров Н.П.
- Начович Григор (1845-1920), политический и государственный деятель. Многократно занимал министерские посты. В частности был министром иностранных дел и исповеданий (1886-1887), (1894-1896), министром финансов (1887-1888), (1891-1892) 23, 50, 68
- Неклюдов Н.А., русский дипломат 80
- Нелидов Александр Иванович (1835-1910), посол Российской империи в Константинополе (1883-1897) 14-16, 19-24, 27-29, 34, 42-49, 54, 58, 62, 64, 66-69, 73, 74, 77, 78, 80-82
- Николаев И.С. см. Дражев
- Николай II (1868-1918), российский император (1894-1917) 75, 78
- Ножаров Н.П., болгарский политэмигрант 65, 79
- Обручев Николай Николаевич (1830-1904), генерал-лейтенант, с 1881 г. начальник главного штаба русской армии 57
- Ольденбургский Александр Петрович (1844-1932), князь, генерал-адъютант, член Государственного совета, командир гвардейского корпуса 6, 21, 44, 77
- Ону Михаил Константинович (1835-1901), русский дипломат, посланник в Греции (1890-1901) 77
- Орловский, один из участников убийства Вылковича 65, 66
- Павлович П. 79
- Панайотов И., болгарский историк 57
- Паница Коста* 33, 58-60
- Педру У (1837-1861), король Португалии с 1855 г. 10
- Персяни Александр Иванович (1842-1896), русский дипломат, с 1877 г. министр-резидент, с 1889 по 1895 гг. - посланник в Сербском королевстве 55, 78

- Пейчев В. 38
- Петр I (1672-1725), русский царь с 1682 г., с 1721 г. - император 40
- Петров Радо (1861-1942), начальник штаба болгарской армии (1885-1894). В 1891 г. краткое время занимал пост военного министра. В 1894-1896 гг. - военный министр 53, 80
- Пешков Николай Николаевич, русский военный агент в Константинополе 29, 30, 48
- Пирс Е., английский дипломат 67
- Попов, майор болгарской армии 49, 50
- Путята А. 80
- Радовиц Йозеф фон (1839-1912), посол Германской империи в Константинополе (1882-1892) 27
- Радославов Васил (1839-1929), политический и государственный деятель. Во второй половине 80-х годов становится лидером либеральной партии, получившей название радославистской 33
- Ризов Димитр (1860 или 1862-1918), общественный и политический деятель, публицист, дипломат. В 1915-1918 гг. занимал пост дипломатического представителя Болгарии в Берлине 65, 69, 71
- Ристич Йован (1831-1899), сербский государственный и политический деятель, историк. В 1887 г. возглавлял правительство Сербии, в 1889-1893 гг. - один из регентов при князе Александре Обреновиче 36
- Робилан Карло Феличе Николис (1826-1888), итальянский генерал, государственный деятель. Министр иностранных дел в 1885-1887 гг. 13
- Ростковский А., чиновник МИД в Одессе 60, 79
- Рустем-паша, турецкий дипломат 20
- Савинский А.А., русский дипломат 70, 82
- Савов Михаил (1857-1928), военный министр Болгарского княжества (1891-1894) 80
- Саксен-Веймарский-Вюртембергский, принц 77

- Саксен-Веймарский, принц см. Веймарский, принц
Сеченья 9
- Соболев Леонид Николаевич (1844-1913), русский генерал,
глава правительства в Болгарском княжестве (1882-1883)
42, 84
- Солсбери Роберт (1830-1903), политический и государственный
деятель Великобритании. В 1885-1886, 1886-1892, 1895-
1902 гг. - премьер-министр и одновременно (вплоть до
1900 г.) - министр иностранных дел 9, 10, 20, 41, 47,
81
- Сорокин Иван Лукич (1884-1918), левый эсер, с 3 августа
1918 г. - главком войск Северного Кавказа 43
- Стааль Егор Егорович (1824-1907), посол Российской империи
в Великобритании (1884-1903) 45
- Стамболов Стефан (1854-1895), активный участник национально-
освободительного движения. После освобождения Болгарии
возглавлял одну из фракций либеральной партии. В 1884 г.
стал председателем Народного собрания. В 1886 г. - один
из трех регентов страны. В 1887-1894 гг. - глава прави-
тельства и министр внутренних дел 5, 6, 8, 11, 12, 21,
32, 34, 37-39, 49-53, 55-58, 61-65, 67-71, 73, 74, 78-
82, 84, 85
- Стоилов Константин (1853-1901), политический и государствен-
ный деятель. После отречения Александра I Баттенберга
занимал пост министра юстиции (1886-1887). По восшествии
на престол Фердинанда I Кобургского занимал короткое
время пост премьер-министра (1887 г.). В 1887-1888 гг.
руководил министерством юстиции. После отставки Стамбо-
лова стал премьер-министром 9, 11, 50, 68, 82, 84
- Татищев Сергей Спиридонович (1846-1906), русский дипломат,
историк 56, 57, 72
- Тончев Димитр* 61, 62, 80
- Тюфкчиев Н. 65, 66, 80

Уайт Уильям (1824–1891), английский дипломат, посол Великобритании в Константинополе (1886–1891) 20, 44

Фердинанд Сакс Кобург Готский /Фердинанд I, Кобург, Фердинанд Кобургский/ (1861–1948), князь Болгарии (1887–1908), царь (1908–1918) 10–12, 20, 23, 24, 28, 33, 39, 43, 45, 47, 49–56, 58, 59, 61–64, 67–71, 73–79, 81, 82, 84, 86

Флуранс Леопольд (род. в 1841 г.), министр иностранных дел Франции (1886–1888) 13

Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император с 1848 г., король Венгрии с 1867 г. 81

Хаджиниколов Веселин, болгарский историк 40

Хитрово Михаил Александрович (1837–1896), русский дипломат, в 1881–1882 гг. был дипломатическим агентом и генеральным консулом в Софии, с 1887 г. возглавлял российское представительство в Бухаресте 17, 59, 60, 84

Цанков Драган (1828–1911), политический и государственный деятель. Неоднократно занимал министерские посты вплоть до окончательного отъезда Александра Баттенберга из Болгарии. Являлся одним из лидеров либеральной партии. В 1886 г. выехал из Болгарии и возглавил болгарскую эмиграцию с задачей по низвержению существовавшего в княжестве режима 15, 16, 18, 36–39, 43, 55, 56, 69, 84

Цугаловский, генерал-майор, начальник жандармского управления в Одессе 81

Чернов Т.П. см. Орловский

Черноколев 81

Шишкин Николай Павлович (1830–1902), русский дипломат, в 1891 г. был назначен товарищем министра иностранных дел 81

Шипманов, чиновник русской почты в Константинополе 80

Шувалов Павел Андреевич (род. в 1830 г.), посол Российской империи в Берлине (1885–1894) 46

Эррот Казимир Густавович (1833-1913), русский генерал, военный министр в Болгарском княжестве (1880-1881). При его прямой и непосредственной поддержке Александр I Баттенберг осуществил в 1881 г. государственный переворот 21, 25, 26, 28, 47, 84

Юрьевский Г.А. (род. в 1872 г.), старший сын императора Александра II от его брака с княгиней Юрьевской, урожденной Долгорукой 77

Якобсон М.И., русский дипломат 60

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. В поисках выхода. Повторение пройденного	8
Глава II. В лабиринте комбинаций	49
Заключение	83
Список использованных источников и литературы	87
Именной указатель	90

Виктор Иванович Косик

Время разрыва
Политика России в болгарском вопросе
1886—1894 гг.

Монография

Оригинал-макет книги подготовлен в Редакционно-
издательской группе ИСБ РАН

Подписано в печать 27.07.93. Усл. печ. л. 4,5.

Тираж 300 экз. Заказ №25 Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере Информационного Агент-
ства Всемирных Новостей (АВН)